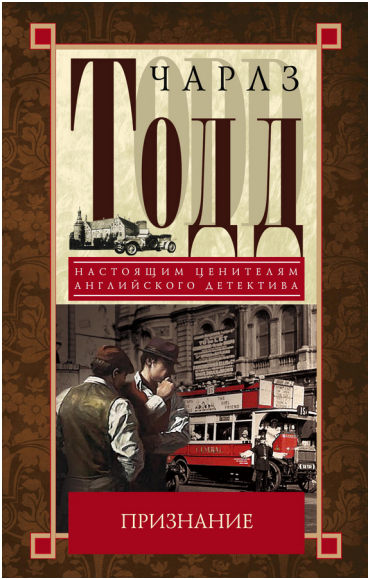

Чарлз Тодд
Признание
Серия «Инспектор Иен Ратлидж»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6089847

Признание: Центрполиграф; Москва; 2013

ISBN 978-5-227-04502-7

Аннотация

В Скотленд-Ярд приходит человек, который, по его словам, умирает от рака. Он признается в том, что несколько лет назад, во время войны, убил своего кузена. Впрочем, на просьбу рассказать обо всем подробнее посетитель отвечает уклончиво. Инспектору Иену Ратлиджу становится лишь известно, что преступление совершено в Эссексе и уходит корнями в далекое прошлое. Не имея возможности начать официальное расследование, Ратлидж пытается самостоятельно выяснить, что же произошло на самом деле.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	13
Глава 4	23
Глава 5	32
Глава 6	46
Глава 7	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Чарлз Тодд

Признание

Салли и Дэвиду – с любовью.

*Ратлидж оказался еще на одно графство ближе к «Милл Барн»...
а на следующий год переберется еще ближе. Как и было обещано.*

*Также посвящается Каролин Марино и всем сотрудникам
HarperCollins/Morrow – за то, что вы такие замечательные. С
огромной благодарностью.*

Глава 1

Эссекские болота, лето 1915 г.

Мертвец мягко покачивался на воде, лицом вниз, так что виднелись лишь его спина и бедра. Три человека, сидевшие в старом ялике, наблюдали за тем, как труп несет течение. Прошло четверть часа; наблюдатели словно ждали, что покойник вот-вот выберется из воды и зашагает прочь.

– Ясно, помер он, – возразил один. – Как думаете, он из наших?

– В верховьях-то Хокинга? Это немецкий шпион, – ответил второй, уверенно кивая, как будто местонахождение трупа объясняло все. – По-другому и быть не может. Слушайте, давайте не будем его трогать. Пусть рыбы полакомятся.

– Мы ведь не узнаем, кто он, пока не перевернем его, верно? – возразил третий и перегнулся через борт, собираясь поддеть труп багром.

– Ты что?! – вскричал первый, как будто его товарищ совершал святотатство.

Тело слегка качнулось от прикосновения багра.

– Ему уже все равно, – сказал третий. – Ты-то что волнуешься?

– И все-таки...

Чуть повернув багор, третий наблюдатель подцепил мертвеца за ворот и потянул на себя. Покойник послушно выбрался из-под водорослей и, словно его позвали, поплыл к ялику. Наконец, плечо в темном, насквозь промокшем мундире легко ударило в борт.

– Офицер, будь он неладен!

– А ведь его застрелили, – заметил третий, разглядев голову. – Посмотрите-ка!

– Переверни его, – приказал второй, тоже посмотрев на затылок мертвеца.

Хоть и не без труда, тело удалось перевернуть, и все трое увидели лицо мертвеца, уже распухшее от долгого пребывания в воде.

– Не из наших рыбаков, – заметил второй. – Я его не знаю. А вы?

Первый покачал головой:

– Чудно... Лицо вроде знакомое, только никак не могу припомнить, кто он такой.

– Дайте-ка взглянуть. – Ухватившись за мокрый мундир, третий подтянул труп вплотную к ялику, запустил пальцы в нагрудный карман покойного и удивленно присвистнул, вытащив бумажник, набитый фунтовыми банкнотами.

Второй человек уже тянул руку к брючному карману мертвеца. Ялик угрожающе накренился, второй выругался и поспешно опустил руку на колени. Вскоре опасность миновала, и из мокрого кармана покойника была извлечена целая пачка денег.

– Будь я проклят!

Открыв бумажник, третий стал искать документы.

– Ага! – Среди мокрых банкнотов он различил визитную карточку и, прищурившись, прочитал расплывшиеся буквы: – «Джастин Фаулер. Лондон». Спрашивается, и что он здесь забыл?

– Я же тебе говорю. Немецкий шпион!

– У тебя одни шпионы на уме, – отрезал третий. – Хватит болтать!

Незадолго до того, как трое в ялике обнаружили утопленника, в Лондоне разразился шпионский скандал. Несколько официантов в ресторанах носили немецкие фамилии, и властям доложили, что они подслушивали разговоры посетителей, узнавали таким образом ценные сведения и передавали их в Берлин. Правда, чем закончилось дело, так и осталось неясно. Здесь, в захолустье, питались только слухами, а единственный местный житель, мистер Ньюли, чья дочь жила в Лондоне, давно уже не навещался в столицу. Вечерами завсегдатаи «Гребной шлюпки» оживленно обсуждали, как поступили со шпионами. Арестовали их, расстреляли или депортировали? Спорам не было конца. Естественно, все знали, что следует сделать со шпионом, если он вдруг обнаружится здесь, вдали от Лондона.

– Как по-вашему, кто его убил? – подал голос первый. – Скорее всего, за ним следили от самого Лондона... Вряд ли его подстрелил кто-нибудь с аэродрома. Никогда не видел, чтобы они забирались в верховья реки...

– Скорее всего, тот, кто его застрелил, и спихнул труп в воду. Как говорится, с глаз долой, из сердца вон, – проворчал его приятель, который уже во второй раз пересчитывал найденные банкноты. – Здесь почти сто фунтов!

– Обломки кораблекрушения, – пошутил второй. – Мы нашли, нам и достанется. Как с погибшего корабля. – Он оглядел пустынный участок реки, заболоченные берега и серое небо, как будто ожидал увидеть неподалеку торчащий из воды остов затонувшего судна.

Шутка вышла неудачной. Все три приятеля сразу помрачнели. Кораблекрушения, как они прекрасно помнили, ни к чему хорошему не приводили.

– А с мистером Фаулером как поступим? – с сомнением спросил первый. – Если вытащим, придется вызывать полицию. И кто-то наверняка пожелает узнать, что случилось с его деньгами.

– Давайте отбуксируем его в море. Пусть его прибьет к берегу в каком-нибудь другом месте, – предложил третий, доставая со дна ялика моток веревки. Он накинул петлю на шею мертвеца, а потом приказал: – А ну, беритесь за весла! Я не могу грести и тащить его одновременно!

Первый приятель упрямо насупился:

– Никуда мы его не потащим, пока не договоримся! Деньги надо поделить поровну.

– Я первый его увидел, – возразил второй. – Значит, мне полагается доля побольше!

– К дьяволу! – воскликнул третий. – Все делим поровну! Тогда никому из нас не захочется мутить воду и вступать в неприятности. Мы все будем заодно. Если кому-то и болтаться на виселице, то всем.

– А что я скажу жене, если она спросит, откуда у меня столько денег? – спросил первый. – Моя старушка такой скандал закатит...

– Значит, не являйся домой с полными карманами денег, болван! Спрячь их в надежном месте и трать понемножку. Главное – не хвастать ими. Лишние деньги всегда пригодятся – дочке на свадьбу, себе на старость. Этому бедняге там, где он теперь, деньги не нужны, и выкинуть их в море – напрасное расточительство. Мы ведь ничего плохого не делаем, верно? Не мы его убили, не мы бросили на берегу, чтобы его нашел какой-нибудь мальчишка, который захотел поудить рыбку к ужину. Мы просто взяли у покойника то, что ему уже без надобности. Вот и все!

Первый, уже почти сдавшись, проворчал:

– А все-таки у меня от жены никогда секретов не было. Придется пораскинуть мозгами... – Он взял со дна ялика весло и опустил его в воду.

Третий рассмеялся:

– Раньше тебе и не нужно было ее обманывать. А теперь вот повод появился.

Начался прилив; двое гребли к устью узкого залива, а третий тянул на веревке труп и оглядывал оба берега.

– Похоже, никто нас не видел... А если и увидят, кто знает, что там болтается у нас на веревке?

– А может, мы просто забыли втащить ее в ялик.

– А если он вернется и начнет нас преследовать? – спросил первый, оглядываясь через плечо. Грести было трудно; они плыли против течения, к тому же везли на буксире тяжелый труп.

– Не вернется, – уверенно возразил третий. – Не так долго он пробыл в воде. Это сразу видно, рыбы его еще не обглодали. Но обглодают обязательно. И никто ничего не узнает.

В последнем он ошибся.

Глава 2

Лондон, лето 1920 г.

Посетителя привел в кабинет Ратлиджа сержант Хамптон.

– Сэр, инспектор Ратлидж вам поможет, – сказал он, распахивая дверь, а сам тут же ретировался.

Бледный, худой, темноволосый, черноглазый посетитель был похож на ходячего скелета. На стул, предложенный Ратлиджем, он присел очень осторожно, как будто ему больно было на твердом сиденье. Нерешительно поерзав, он слабым голосом заговорил:

– Меня зовут Уайат Рассел. Я умираю от рака и хочу перед смертью очистить свою совесть. В тысяча девятьсот пятнадцатом году я убил человека и остался безнаказанным. Теперь я признаюсь в том убийстве. И хотя осудить и повесить меня уже не успеют, вы, по крайней мере, раскроете преступление, а я оставшиеся дни смогу снова спокойно спать.

Ратлидж окинул гостя задумчивым взглядом. Бывает, люди сознаются в преступлениях. Причины для признания могут быть самыми разными. Чаще всего преступникам действительно хочется очистить совесть перед тем, как они предстанут перед самым высшим судом. Но иногда признаются, чтобы защитить другого.

– В пятнадцатом году я был во Франции, – сказал Ратлидж, помолчав. – Если убийство совершено там, вам следует обратиться в военное министерство, а не в полицию.

– Дело никак не связано с армией, – сухо возразил Рассел.

– Если хотите, чтобы я выслушал ваше признание, может быть, начнете с самого начала? Где вы живете, мистер Рассел?

– У меня усадьба в Эссексе, на болотах. Я прожил там всю жизнь до самой войны. У меня есть независимые средства, и мне никогда не нужно было искать работу.

– Кто расследовал убийство, о котором вы говорите, – столичная полиция или полиция Эссекса?

Рассел улыбнулся:

– Чего не знаю, того не знаю. Я не выяснял.

– В таком случае уверены ли вы, что убили того человека? Возможно, он был ранен, но потом выздоровел.

– Да, я совершенно уверен. Видите ли, он – мой кузен. Я бы непременно узнал, если бы он выздоровел. Его зовут... то есть звали... Джастин Фаулер. О мертвых не полагается говорить плохо, но у нас с ним были разногласия. Под конец они стали настолько серьезными, что мне пришлось принять решение. Разумеется, я все понимаю, и никакие объяснения меня не оправдывают. Просто я стараюсь представить вам наиболее полную картину произошедшего.

– В деле замешана женщина?

Ратлиджу показалось, что его посетитель пришел в замешательство.

– Женщина? А-а-а... Любовный треугольник! Мне жаль вас разочаровывать, но все было не так просто. Сейчас я не готов вдаваться в подробности. Достаточно будет сказать, что я совершил это преступление, а труп спрятал.

Поймите, тогда шла война. Многие записывались добровольцами, шли работать на военные заводы... Война – время потрясений, время перемен. Его исчезновение осталось незамеченным.

– Чем больше подробностей о том или ином убийстве нам известно, тем вернее мы можем найти виновного. Очень важно, в частности, понять, какой мотив был у убийцы.

– Но я ведь только что вам сказал – я добровольно признаюсь в том, что убил его. Могу рассказать, как и где я убил его и что сделал с трупом. Зачем вам знать что-то еще? – Посетитель разгорячился; его пепельно-серое лицо пошло уродливыми красными пятнами.

– Вы пришли в полицию добровольно, – ответил Ратлидж, гадая, что кроется за внезапной вспышкой гнева странного гостя. – Теперь сотрудникам Скотленд-Ярда необходимо проверить ваше признание и сделать выводы. Мотив подскажет нам, до какой степени вы виновны в случившемся. Назовите причину ваших разногласий, объясните, чем убитый вызвал ваш гнев.

– Черт побери, старина, мертвец останется мертвецом! – Рассел встревоженно озирался по сторонам, словно ожидал увидеть какие-то подсказки на голых стенах и пыльном оконном стекле. А может, он уже пожалел, что пришел в полицию, и придумывал, как бы ему пойти на попятный? Ратлидж решил, что последнее вполне возможно, и следующие слова Рассела подтвердили его догадку. – Зря я к вам обратился. Повел себя как настоящий эгоист. Не хотел умирать с грузом на душе, только и всего. – Его взгляд обратился к Ратлиджу. – Если вы не в состоянии мне помочь, я уйду, и мы забудем о том, что я входил в ваш кабинет.

– Вы признались в убийстве... – начал было Ратлидж.

– Да неужели? – Посетитель скривил губы. – Мой лечащий врач подтвердит вам, что я получаю морфий. У меня, знаете ли, часто бывают галлюцинации. Иногда я не отличаю правду от вымысла. – Рассел встал, собираясь уйти. – Извините, мистер Ратлидж, что отнял у вас драгоценное время. Процесс умирания – не то, от чего получаешь удовольствие. Что бы там ни утверждали поэты, со смертью смириться трудно. – Он ухватился за спинку стула, чтобы не упасть, и добавил: – Вряд ли мы с вами еще встретимся.

Посетитель вышел, не оглядываясь. Ратлидж сразу понял, что его мучают сильные боли. Наверное, даже ходить для него тяжкий труд... Он заставляет себя держаться из гордости... или из тщеславия.

Вскочив с места, Ратлидж догнал посетителя.

– Вы куда-то спешите? – спросил он. – Если нет, давайте вместе где-нибудь пообедаем.

– О чем вы, какой обед? Стоит мне выпить немного чаю, как меня начинает тошнить.

– Не важно. Мне хочется с вами поговорить.

Рассел задумчиво посмотрел на него:

– Что вам за радость сидеть за столом с мрачной тенью человека? Если вы надеетесь, что вам удастся меня переубедить, вы ошибаетесь. У меня сильная воля. Благодаря ей я продержался в живых дольше, чем считали возможным доктора. – Тут Рассел улыбнулся и, как показалось Ратлиджу, на мгновение стал похож на того человека, каким он, наверное, был до болезни.

– Я был на войне, – бесхитростно сказал Ратлидж. – И мне не раз приходилось встречаться со смертью.

Подумав, Рассел кивнул.

– Я живу в отеле «Мальборо». В тамошнем ресторане подают приличное жаркое из баранины под мятным соусом. Оценить соус я пока еще в состоянии.

Сам Ратлидж ни за что не пошел бы обедать в «Мальборо». В последний раз он побывал там с Мередит Ченнинг, и воспоминания об их последнем разговоре были ему неприятны. Но он понимал: если предложит пойти в другой ресторан, скорее всего, потеряет Уайата Рассела.

Хотя отель находился недалеко, Ратлидж повез туда Рассела на машине. Тот молча сидел рядом с ним. Он вышел из машины не без труда, но Ратлидж благоразумно не бросился ему помогать.

У стойки портье толпился народ, зато ресторанный зал оставался полупустым, – время обеда еще не наступило.

Их усадили за столик в углу, и Рассел со вздохом облегчения опустил на мягкий стул, обитый парчовой тканью.

– Наверное, пора мне всюду носить с собой подушку. Деревянные сиденья стали для меня настоящей пыткой. Что будете пить? Учтите, я угощаю, потому что так мне легче беседовать с вами на своих условиях.

– Как хотите. Я выпью виски, – ответил Ратлидж, надеясь, что после спиртного у Рассела развяжется язык.

Рассел кивнул, заказал виски на двоих и огляделся по сторонам.

– Половины здешних посетителей я не знаю. До войны я мог бы назвать вам фамилии большинства из них.

– Значит, вы часто приезжали в Лондон?

– Я был молод, холост, только что окончил Кембридж. Радовался жизни, надеялся на лучшее будущее. Влюблялся. В Эссексе мне тогда было безрадостно и скучно. В Лондоне бурлила жизнь, здесь было весело. Иногда я задумывался о серьезных вещах, но мне казалось, что впереди у меня бесконечная жизнь. Будущее скрывала золотистая дымка. Я думал, что вечно буду счастлив. По крайней мере, так я чувствовал себя в четырнадцатом году. Наверное, то время и не было безмятежным и счастливым, но мне приятно вспоминать о тех днях. Вы тогда бывали в Лондоне?

– Да. Кстати, у меня о том времени примерно такие же воспоминания. Вы воевали?

– О да, я спешил попасть на войну, прежде чем она закончится, готов был хвататься за все, боялся, что кайзер сдастся до того, как я научусь как следует драться с ним.

Мои письма домой из тренировочного лагеря дышали патриотизмом. Мне не терпелось убить как можно больше немцев, хотя их я совсем не знал... Точнее, в Кембридже у меня было несколько знакомых немцев. Вполне славные парни, и я вовсе не представлял себе их, когда мечтал стрелять во фрицев. Мои однокурсники совсем не походили на тех чудовищ, которые сажали на штыки бельгийских младенцев и насиловали бельгийских женщин. Более того, моей двоюродной сестре даже нравился один из них, но его вызвали на родину незадолго до начала военных действий. Не знаю, что с ним стало.

– Если вы воевали, как случилось, что вы убили человека в Эссексе?

– Ну да, согласен, история немного запутанная! Меня послали в Лондон с депешами. Я знал, что наш дом закрыт, и все же решил съездить в Эссекс и проверить, все ли в порядке. Там я встретил Фаулера, и мы поссорились. Мне представился удобный случай, а остальное довершило искушение. Неподалеку от нашего дома находился временный аэродром. Там размещались войска ПВО и ночные бомбардировщики. Я был уверен: если труп найдут, в случившемся обвинят кого-то из новобранцев, подозрение могло пасть на меня. Но мне повезло. Труп не нашли.

– Вы были женаты, когда пошли воевать?

– Должен сказать, что вы задаете слишком много вопросов!

Ратлиджу принесли виски. Отпив глоток, он осторожно заговорил:

– Я решил не жениться на девушке, в которую, как мне казалось, был влюблен. Помоему, военный мундир нравился ей больше, чем человек в том мундире. Мы все равно недолго прожили бы вместе. – Он снова невольно вспомнил о Мереди Ченнинг, чей брак покоился на остывшем пепле долга.

Рассел некоторое время пытливо смотрел на Ратлиджа поверх своего бокала.

– И как вам воевалось – хорошо?

– Совсем нехорошо.

– Да, наверное, мало кому бывает хорошо на войне. Я довольно быстро понял, что мне все же не нравится убивать людей. Но я выполнял свой долг по отношению к своим солдатам и к родине. И все же я ужасно радовался, когда война закончилась.

– Оттого что вы были солдатом, вам проще было убить двоюродного брата?

Рассел помолчал, а потом заметил:

– В вас опять заговорил полицейский. Неужели вы никогда не забываете о своей профессии? Представляю, как неловко вы себя чувствуете на званых вечерах. Наверное, все время гадаете, что имел в виду ваш собеседник, когда просил передать соль.

Ратлидж рассмеялся.

– Почему вы решили пойти в полицию? Почему не стали адвокатом, если уж вам так не терпелось вершить правосудие?

– Мой отец – адвокат. Я думал пойти по его стопам, но вскоре понял, что отцовская стезя мне не подходит.

Им принесли жаркое. Рассел жадно посмотрел на блюдо.

– Я такой голодный, что готов съесть даже стол. Но как же трудно стало глотать! – Он обмакнул в соус корочку хлеба и попробовал. – О да, помню, почему мне всегда так нравился здешний соус!

За едой они говорили о самых разных вещах; Ратлидж дождался, пока они доели десерт, и спросил:

– Почему вы решили обратиться в полицию лично? Можно было, например, написать признание и распорядиться, чтобы его вскрыли после вашей кончины... – Когда-то он знал убийцу, который именно так и поступил.

– Вижу, полицейский вернулся! Если бы не он, мы с вами могли бы подружиться. Ладно, мне кажется, ответ на один вопрос вы заслужили. Мне показалось, что признаваться во всем задним числом – трусость. Наверное, меня все же воспитали богобоязненным, и я понимаю, что дело не в одном признании. По-моему, куда справедливее не только признаться, но и покаяться при жизни.

– Ну и как – полегчало после того, как вы сняли тяжесть с души?

Рассел нахмурился:

– Знаете, я думал, что мне полегчает. Я ведь очень долго хранил свою тайну, по крайней мере, мне так казалось. Я набрался храбрости и пришел в Скотленд-Ярд, пока еще в силах ходить; приход к вам стал для меня своего рода испытанием на прочность... Испытанием моей силы духа. Но все вышло... не совсем так, как я ожидал.

– Вам было бы легче, если бы я надел на вас наручники и бросил за решетку? А может быть, вы хотели, чтобы вас повесили?

– Предпочитаю смерть не через повешение, хотя все лучше медленной пытки, которую я терплю сейчас. Наверное, отчасти мне все же представляется, что мое преступление не настолько ужасно, каким казалось в то время. Ну да, так привыкли рассуждать на войне. Если убиваешь несколько тысяч – ну ладно, несколько сотен, хотя иногда казалось, что убитых тысячи, – какая разница, одной смертью больше или меньше? Оказывается, разница очень большая. Видите ли, в тот раз у меня был выбор. Я ведь мог бы не убивать его, а все-таки убил. И вот я пришел к вам, чтобы признаться и исправить прошлое... – Рассел мрачно посмотрел в тарелку. – А исправить прошлое не получается. Вы и теперь желаете знать, почему я его убил?

– Так или иначе я все равно это выясню. Если, конечно, будет следствие. Вас допросят. И если вы не ответите удовлетворительно на все наши вопросы, нам придется самим искать ответы. Работа предстоит не из приятных.

– А я и не ожидал, что она будет приятной, – ответил Рассел. – Только я не догадывался, что все так затронет меня за живое. Или получит огласку. Очень не хочется, чтобы в дело оказались замешаны другие. Если повезет, я умру раньше. А до тех пор прикажите полицейскому, который в вас сидит, заниматься своими делами. Не сомневаюсь, вы доведете дело до конца, но после того, как я уже не смогу отвечать на ваши вопросы и вы не сможете причи-

нить мне никакого вреда. — Он подозвал официанта и сказал Ратлиджу: — Я очень устал. Вот еще один недостаток моего состояния. Так что не обижайтесь, но провожать вас не буду.

— Могу ли я чем-нибудь вам помочь? Может, отвести вас в номер?

— Спасибо, не надо. С этим я еще управлюсь.

Ратлидж встал и протянул руку.

— Если все-таки передумаете, вы знаете, где меня найти.

— Да, знаю. Спасибо, инспектор.

Когда Ратлидж направился к выходу, Рассел вдруг окликнул его:

— Вообще-то кое-что вы могли бы для меня сделать.

— Что? — спросил Ратлидж, разворачиваясь к Расселу лицом.

— Помолитесь за меня. Вдруг да поможет... хоть немного.

Возвращаясь на работу, Ратлидж думал об Уайате Расселе. Если он, конечно, не берет на себя чужую вину и в самом деле совершил убийство, которое много лет отягощало его душу, почему он открыл лишь часть правды?

Может быть, в деле замешан кто-то еще?

А что, вполне вероятно. Но тогда почему просто не продолжать жить дальше со своей тайной и умереть, так и не сняв греха с души? Видимо, Рассел понял, что, как бы он ни поступил, легче ему не станет, поэтому и поспешил отказаться от своего признания.

Может быть, у него был сообщник? Или имелась другая причина?

Выйдя из машины, он мысленно представил себе карту Эссекса. Графство граничит на юге с Кентом; их разделяет Темза. Вдоль северного берега Темзы тянутся болотистые низменности — настоящая бахрома из узких заливчиков и речушек, отделивших от остальной части страны обитателей прибрежных районов. Тамошний уклад не менялся веками. До войны жители окраины Эссекса почти ничего не знали о том, что творится в других частях графства, не говоря уже об остальных частях страны. Они жили своей жизнью. Обитателям болот не требовались ни современные удобства, ни вмешательство извне, которое нарушало бы привычный ход их жизни.

Чем дальше от побережья, тем цивилизованнее. Вдали от болот были разбросаны городки и деревни, проложены дороги. По мнению жителей болотного края, Базилдон, Челмсфорд и Колчестер с таким же успехом могли располагаться на другом краю света. Они находились так же далеко от их образа мыслей, как сам Лондон. И все же Ратлидж, кивнув дежурному сержанту и поднимаясь по лестнице в свой кабинет, думал о том, что убийство в деревнях, даже самых уединенных, вряд ли осталось бы незамеченным. Если, конечно, Рассел не избавился от трупа особенно хитроумно.

Он, кажется, упомянул временный аэродром?

Не заходя к себе, Ратлидж отправился искать констебля Грина, чья эскадрилья во время войны базировалась неподалеку от Кана.

Грину, худощавому и приветливому, с копной светлых волос, которые, к его досаде, завивались в сырую погоду, исполнилось уже тридцать три года. Он поздно поступил на службу в полицию. После Перемирия¹ он решил вступить в ряды столичной полиции и вскоре стал сотрудником Скотленд-Ярда. Раньше у Грина был в Рединге велосипедный магазин; он подумывал было перейти на торговлю автомашинами, но началась война. Грин мечтал о небе, но оказалось, что у него высотобоязнь. Поэтому он служил на аэродроме механиком и ремонтировал самолеты, которые так любил. Ему приходилось постоянно доставать

¹ Имеется в виду Компьенское перемирие 1918 г., соглашение о прекращении военных действий между Антантой и Германией, положившее конец Первой мировой войне. (Здесь и далее примеч. пер.)

запчасти, поэтому он наладил отношения с другими французскими аэродромами. Эссекс совсем недалеко от Франции; возможно, Грин помнил и тамошние аэродромы.

Увидев, что к его столу подходит Ратлидж, Грин широко улыбнулся:

– Здравствуйте, сэр. Чем могу вам помочь?

– Мне нужна ваша память. Точнее, военные воспоминания. – Ратлидж пересказал Грину то небольшое, что сообщил ему Рассел об аэродроме, и спросил: – Вы, случайно, не знаете, где он находился?

Грин нахмурился и, подумав немного, сказал:

– Там их было несколько. Скорее всего, имеется в виду аэродром в Фарнэме. На реке Хокинг. Им там туго пришлось. И не в последнюю очередь из-за местных жителей, которые приняли их в штыки.

– Что значит «туго пришлось»?

– Во-первых, ветер и низкие туманы над рекой. Кроме того, местные жители жгли сено, и летное поле постоянно заволакивало дымом. Совершали мелкие кражи. Происходили ссоры между теми, кто там служил, и жителями. Кстати, местные девушки вовсе не возражали против новоприбывших. Скорее всего, и ссоры выходили из-за них. Судя по тому, что мне рассказывали, Фарнэм расположен довольно изолированно, и тамошние жители не привыкли к переменам.

– Что стало с аэродромом, когда закончилась война?

– Наверное, поле, на котором он размещался, вернули фермеру, прежнему владельцу.

Ратлидж кивнул:

– Да, наверное. Что ж, спасибо, Грин!

– Что-то случилось в Фарнэме? Я бы с удовольствием съездил туда, взглянул на аэродром своими глазами.

– Сегодня за обедом один человек обмолвился о тамошнем аэродроме. Мне стало любопытно, – беззаботно ответил Ратлидж и направился к себе в кабинет.

Вначале он думал начать официальное расследование убийства в связи с признанием Рассела, но потом решил повременить. Он так и не понял, почему Рассел явился в Скотленд-Ярд.

Зато признание пробудило в нем любопытство. Ратлидж сказал себе: не будет большого вреда, если он кое-что разведает. Если и в самом деле вскроются факты, начать официальное расследование никогда не поздно.

Через два часа, разобравшись с документами, лежавшими у него на столе, он отправился в Сомерсет-Хаус, чтобы навести справки о Джастине Фаулере и Уайате Расселе.

Глава 3

В Сомерсет-Хаус, здании, занимавшем целый квартал между Стрэндом и Темзой, издавна хранились записи о рождениях, кончинах, а также брачные свидетельства, выданные в Англии и Уэльсе. Само здание, получившее название в честь стоявшего на том же месте, но давно снесенного тюдоровского дворца, возвели с особой целью. Было решено собрать в одном месте правительственные учреждения, ранее разбросанные по всему Лондону – от Управления налоговых сборов до Адмиралтейства. Поговаривали, что в Сомерсет-Хаус имелись комнаты даже у адмирала Нельсона, что, впрочем, маловероятно.

На поиски Джастина Фаулера у Ратлиджа ушло три четверти часа. В семье это имя передавалось от отца к сыну на протяжении трех поколений. Кроме того, он нашел еще шестерых Фаулеров, не связанных кровным родством с первой семьей. И каждый из них теоретически мог бы стать жертвой убийства.

Наконец, Ратлидж остановился на Джастине Артуре Эмброузе Фаулере. Ратлидж обратил внимание на то, что у выбранного им Фаулера отсутствуют записи о смерти и браке.

Найти Уайата Рассела оказалось проще – если верить архивам, он также был еще жив. Зато он был женат на Луизе Мэри Хармон, которая скончалась чуть меньше чем через год после свадьбы – умерла при родах.

Обнаружилось и родство Фаулера и Рассела – их бабушки носили одну и ту же девичью фамилию, Садбери. Судя по архивным документам, бабушки доводились друг другу двоюродными сестрами. Родители Фаулера умерли в один и тот же год; мать пережила отца всего на несколько дней. Фаулеру тогда было одиннадцать лет.

Рассел родился в графстве Эссекс, в деревушке или поселке под названием Берег. Фаулер родился также в Эссексе, в Колчестере.

Еще полчаса Ратлидж пытался найти другие ветви той же семьи, однако ему не удалось обнаружить более никакой связи между двумя интересующими его людьми.

Поблагодарив клерка за помощь, Ратлидж вернулся на работу и разыскал карту Эссекса.

Никакого Берега на карте не оказалось, чему Ратлидж не удивился. Скорее всего, так называлась не деревня, а усадьба, на что, собственно, и намекал сам Рассел. Зато он нашел деревню Фарнэм. Она находилась на мысу, в устье реки Хокинг. Для пилотов немецких цепелинов, совершавших налеты на Лондон, река Хокинг, как и Темза, Блэкуотер и Крауч, служили ориентирами. Правда, река Хокинг, в отличие от Темзы, Блэкуотера и Крауча, никогда не пользовалась популярностью среди яхтсменов, а в ее устье не было поста береговой охраны. До тех пор пока возле Фарнэма не соорудили временный аэродром, жизнь деревни, наверное, не менялась веками.

Пока все, что рассказывал Рассел, как будто подтверждалось.

Где Джастин Фаулер? Возможно, он жив, здоров и благополучно живет в Колчестере, а может, даже где-нибудь в Корнуолле. Или он мертв, и труп его до сих пор не обнаружен...

Ратлидж вспомнил, что приближаются выходные. Он обещал своей сестре Франс в пятницу вечером свозить ее на концерт – она пошла в мать и по праву считалась талантливейшей пианисткой, а программа концерта включала Листа, одного из ее любимых композиторов.

Он выполнит свой долг, и тогда выходные принадлежат ему.

Впрочем, выходные прошли не совсем так, как он ожидал.

Франс ужасно понравилась и сам концерт, и легкий ужин, которым после угостил ее брат. Допивая вино, она предложила:

– Иен, как ты считаешь, может быть, завтра съездим в Кент и навестим Мелинду?

Мелиндой Кроуфорд звали пожилую даму, приятельницу родителей Ратлиджа. Ратлидж знал ее с раннего детства; ее дом казался ему настоящей сокровищницей. Дело в том, что до смерти мужа она жила в Индии, а после путешествовала по всему миру и собирала все, что ей нравилось, – от украшений до мечей и китайских фигурок Восьми Бессмертных² из слоновой кости.

После войны Ратлидж старался избегать Мелинду, хотя время от времени им все же приходилось встречаться. Мелинда слишком хорошо знала его, и Ратлидж боялся, что старушка прочтет по его глазам больше, чем ему хотелось, чтобы она знала о его войне. В детстве она пережила восстание сипаев и собственными глазами видела смерть. Мелинду невозможно было убедить, что с ним все в порядке. Ратлидж подозревал, что именно Мелинда Кроуфорд способна понять правду о Хэмише Маклауде. Но он не мог себя заставить ей довериться. Гибель Хэмиша он по-прежнему считал своим позором. В таком нелегко признаваться никому, тем более вдове офицера, дважды награжденного за отвагу.

– Я собирался поехать в Эссекс, – с беззаботным видом ответил он.

Франс поставила бокал и живо повернулась к брату.

– В Эссекс? – переспросила она, и Ратлидж сразу догадался, что она уже мысленно перебирает длинный список их тамошних знакомых. Так и не придя ни к какому выводу, она поинтересовалась: – Куда именно в Эссекс? – В глазах сестры мелькнуло задумчивое выражение. Неужели ее неженатый братец вдруг, наконец, кем-то заинтересовался?

Ратлидж рассмеялся:

– В болотный край на берегу реки Хокинг.

– Значит, ты едешь туда по работе.

– Нет. Припиши мой интерес любопытству.

Все больше оживляясь, Франс спросила:

– Ты пробудешь там до обеда? Если да, я поеду с тобой.

– Хорошо, поехали. Но учти, я понятия не имею, можно ли там получить приличный обед.

Франс подумала и, наконец, ответила:

– Что ж, я готова рискнуть!

В восемь утра в субботу он заехал за сестрой, которая жила в доме их родителей, и застал ее уже одетой для поездки за город. Она заявила, что вполне готова. Когда он открыл для нее дверцу машины, Франс заметила:

– Погода сегодня не особенно приятная.

Она была права. Над Лондоном ползли тучи; они двигались на восток, в сторону Эссекса. Казалось, тучи следуют за ними по пятам. Яркий свет вдали, над Северным морем, померк. К тому времени, как они свернули с шоссе на проселочную дорогу, небо у них над головами приобрело серо-стальной оттенок. Пейзаж болотного края показался им обоим бесцветным и мрачным, не представляющим собой никакого интереса. Здешняя почва не подходила ни для посевов, ни для пастбищ. Ратлидж решил, что жители побережья в основном зарабатывают на жизнь рыболовством и вообще всем, что дарит море.

Франс спросила:

– Ты уверен, что любопытство влечет тебя именно сюда?

Ратлидж наконец увидел впереди нужный поворот.

– Ну, пусть будет не любопытство, – ответил он, – а внезапное и непреодолимое желание кое-что выяснить. В этой части Эссекса я ни разу раньше не бывал.

– Откуда же ты знаешь, где поворачивать?

² Восемь святых даосского пантеона.

– Я, к твоему сведению, заранее изучил карту.

Река на время скрылась из вида за широкой полосой спартинны – болотной травы – и искривленных от ветра деревьев. И все же серая лента воды, похожая цветом на олово, мелькала вдаль, не давая забыть о ее присутствии. Она быстро и тихо несла свои воды в море.

– Что-то мне здесь не очень нравится, – призналась Франс спустя какое-то время, пристально глядя на воду. – Что на тебя нашло? Почему тебя вдруг так потянуло сюда?

– Любопытство, – ответил Ратлидж. – Я ведь тебе говорил.

– М-да... должно быть, тебе ужасно не хватает в жизни развлечений. А мы не могли бы отправиться исследовать, например, Суррей? Или Оксфордшир? В Суррее немало милых ресторанчиков. Да и в Оксфорде тоже.

– По-моему, к вечеру ты заговоришь по-другому, – осторожно ответил Ратлидж. Правда, в глубине души он сомневался в справедливости своих слов.

Дорога начала сужаться; впереди показались ворота. Ратлидж подумал, что, вероятно, во время войны здесь было более оживленное движение, теперь же обочины поросли травой, утратив очертания.

Высокие каменные столбы тоже заросли; протянутая между ними ржавая цепь, видимо, призвана была отпугивать незваных гостей. На верхушках столбов красовались каменные ананасы – символ гостеприимства. Левый ананас обвил плющ; правый был частично обрушен и побелел от птичьего помета. Ратлиджу показалось, что верхушку ананаса отстрелили – во всяком случае, на это было похоже.

Остановив машину на крохотной площадке перед воротами, Ратлидж велел:

– Подожди меня здесь. Ты не против? Я схожу на разведку.

– Там, за деревьями, виднеется крыша дома. Значит, нам сюда?

– Да.

– Я пойду с тобой, – заявила Франс. – Как-то не хочется сидеть здесь одной. Мне кажется, будто кто-то следит за каждым нашим шагом. В таких зарослях можно спрятать целый батальон! Наверное, немецкие шпионы считали здешние места идеальными для высадки. Как по-твоему, далеко отсюда до моря?

– Несколько миль. Насчет высадки ты права. Именно поэтому побережье Эссекса бдительно патрулировали суда береговой охраны, – ответил Ратлидж. – Мне говорили, что во время войны где-то здесь находился аэродром. Значит, его охраняли вдвое бдительнее. Ты уверена, что хочешь исследовать эти джунгли?

Франс улыбнулась:

– Конечно нет!

Он помог сестре выйти из машины и поднял тяжелую цепь, пропуская ее. Они зашагали по дорожке, продираясь через густую траву и бурьян. Ратлидж шел впереди, рассчитывая сестре путь, однако не смог уберечь ее от зловредного шиповника, который цеплялся за ее юбку, достигая даже полы короткого жакета. В какой-то момент Франс не выдержала и вскрикнула:

– Ну, Иен, это уж слишком!

И все же брат и сестра упорно пробирались дальше.

Они прошли около четверти мили, когда наконец идти стало легче, хотя молодую поросль деревьев уже довольно давно не прореживали. В одном месте дорогу им преградило упавшее дерево. Ратлидж помог сестре перебраться через него, они остановились и посмотрели вперед. Перед ними высился дом – высокое кирпичное строение, увенчанное остроконечной крышей, с многочисленными трубами и стрельчатыми окнами. Он с трудом различил в траве поворот дорожки, которая вела к парадной двери.

Серым, бессолнечным днем окна казались тусклыми серыми проемами; они придавали дому заброшенный вид. Добравшись до высокого крыльца, они стали подниматься по ступенькам к двери, выкрашенной в черный цвет. Было ясно, что в доме уже довольно давно никто не живет.

Посмотрев на дату, выгравированную на каменном свитке над дверью, Франс прочла: – Тысяча восемьсот девятый год. А дом-то довольно красивый, правда? Жаль, что его совсем забросили. Теперь он разрушается. Интересно, что случилось с людьми, которые здесь жили?

– Наверное, законный наследник погиб на войне.

– Как ни печально, но очень похоже, что ты прав.

По обе стороны от крыльца росли два разросшихся, давно не стриженных вечнозеленых куста. Ратлидж раздвинул косматые ветви того, что слева, и заглянул в ближайшее окно.

– Вся мебель закрыта чехлами от пыли, – сообщил он. – Холл просторный; по обе стороны двери, а напротив входа – парадная лестница. Мне не очень хорошо видно отсюда, но, по-моему, в холле красивый потолок.

Судя по состоянию дорожки и самого дома, сейчас Уайат Рассел здесь не живет. Скорее всего, дом не открывали с самой войны. Почему Рассел назвал местом своего проживания Эссекс? Скорее всего, он сейчас постоянно проживает в отеле «Мальборо», а не просто остановился там на несколько дней...

Вернувшись к сестре, Ратлидж предложил:

– Давай обойдем дом кругом! Возможно, с той стороны, что выходит на реку, есть скамейка, на которой хозяева сидели и любовались видами.

– От всяких надежд воздержусь, – с сомнением ответила Франс, – но все-таки пошли. Веди меня!

Они увидели широкую террасу, выходившую на реку Хокинг. Земля уступами спускалась к воде; на каждой площадке стояли большие вазы. Неизвестно, что росло в них раньше; сейчас они пустовали. Вниз до самой кромки воды уходила лужайка. Сверху действительно открывался довольно живописный вид. На другом берегу Хокинга тянулась широкая заболоченная полоса, которая несколько оживала и даже расцветивалась, когда солнце на миг выглядывало из-за туч. За лужайкой брат и сестра увидели старый дощатый причал. Доски почти сгнили. На причале стояла цапля и, казалось, смотрела на свое отражение в зеркальной глади темной воды. Вдруг цапля опустила длинную шею и быстрым, неуловимым движением выхватила из воды рыбку, которая на миг сверкнула в ее клюве серебром. А потом солнце снова скрылось за облаками, и все вокруг сразу помрачнело.

Ни стульев, ни скамеек на террасе не оказалось.

– Какая красота! – воскликнула Франс, подходя к брату. – Представляю, как хорошо было сидеть здесь летними вечерами, смотреть на реку и беседовать с друзьями. Ты знал людей, которые жили здесь? Ты поэтому сюда приехал?

– Нет.

Ратлидж обернулся к дому и внимательно осмотрел окна. Если кто-то и находился на одном из верхних этажей, его – или ее – невозможно было разглядеть снизу, с террасы. К тому же все окна оказались занавешены плотными выцветшими шторами, их вид навевал грусть.

Спустя некоторое время Ратлидж и его сестра направились назад той же дорогой, какой пришли сюда.

Пройдя с половину длинной дорожки, Франс обратилась к брату:

– Иен, я все собиралась тебя спросить... Ты давно не виделся с Мередит Ченнинг? Кажется, она куда-то уехала. Только позавчера Марианна Браунинг спрашивала, не слышала ли я что-нибудь о ней.

Ратлидж отлично знал, куда уехала Мередит Ченнинг, но покачал головой.

– Может быть, в Шотландию? – предположил он. – Кажется, она говорила, что у нее там зять.

– Да, наверное, туда, – ответила Франс, впрочем, без особой убежденности в голосе.

Вернувшись к воротам, Ратлидж снова осмотрел столбы. Никакого названия на воротах не было, но он почти не сомневался, что усадьба называется «Берег». Хотя, может быть, впереди есть еще одно владение?

Они сели в машину и поехали дальше.

Примерно через милю им попалось стоящее у дороги облетевшее дерево, которое вскинуло голые, искривленные руки к небу. За деревом они увидели церковь. Ее невысокая, какая-то скругленная колоколенка поднималась над простым кирпичным фасадом.

Глядя на колоколенку, Ратлидж предположил, что церквушка построена в ранневикторианскую эпоху. Он решил, что перед ними не слишком удачный образчик сельской церкви. Интересно, что бы сказал о ней его крестный, архитектор Дэвид Тревор? Ратлидж улыбнулся.

Табличка с названием храма, однако, была выполнена в манере, напоминавшей прерафаэлитов. Она сделала бы честь и какой-нибудь легенде из артуровского цикла. Изящные буквы, выдавленные на табличке, покрытой сусальным золотом, гласили: «Церковь Святого Эдуарда Исповедника».

Ратлидж криво улыбнулся. Очень подходящее название!

Под табличкой он увидел расписание богослужений и фамилию священника – Моррисон. Ниже помещалась цитата из Псалтири: «Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя».³

– Подумать только – церковь в такой глуши! – воскликнула Франс, прочитав табличку с названием. – Где, однако, живет приходской священник? Его дома здесь нет... И кладбища тоже. Как странно!

Церковь не была, строго говоря, уродливой, но что-то в ней встревожило Хэмиша. Все утро он был совершенно спокоен, и вот теперь разволновался.

Стараясь не обращать внимания на звучащий в голове голос, Ратлидж ответил сестре:

– Наверное, деревню перенесли.

– Да, конечно, такое возможно. Но ведь не кладбище же?

Ратлидж притормозил, не глуша мотор. В борт машины ударил порыв ветра, и она закачалась.

– Может быть, сюда приходят жители всех окрестных деревень.

– Церквушка выглядит так, словно ее сослали, – заметила Франс и, повернувшись к брату, спросила: – Иен, зачем ты сюда приехал? Только не говори, что тебя привело любопытство!

– На самом деле так и есть. Я сказал тебе правду. Мне хотелось взглянуть на эту часть Эссекса.

– Значит, здесь ведется какое-то следствие?

– Ну, если хочешь, считай, что меня привело сюда чутье, помноженное на подозрение и сомнение.

Новый порыв ветра качнул язык колокола у них над головами. Звук получился почти такой же, как если бы его издал далекий колокол на бакене.

Ратлидж окинул церковь внимательным взглядом. Добротная, ухоженная. Видимо, действующая. Но кто ее прихожане? Усадьба, которую они недавно осматривали, находится слишком далеко, а рядом с ней они не заметили признаков других усадеб или деревень.

³ Пс., 120: 1.

– Меня грусть охватывает при виде этой церкви. Дальше есть что-нибудь?

– Давай выясним.

Снова пустившись в путь, они проехали не меньше трех миль, прежде чем увидели первые признаки жилья. Ратлидж решил, что заброшенная усадьба, которую они видели, и в самом деле «Берег».

Отдельно стоящих домов на подступах к деревне они не обнаружили. Только что их окружала лишь высокая трава, которая покачивалась волнами на ветру, и вот уже впереди замаячили первые дома – квадратные, кирпичные, приземистые. Еще семь таких же одноэтажных домов – и они оказались на главной улице. Слева жилые дома перемежались лавками. В глубине высилась трехэтажная гостиница; чуть дальше, у поворота, над ближайшими домиками нависал высокий платан.

Справа тоже стояли здания, фасадом к улице, а тылом к реке. Среди них Ратлидж заметил школу и паб; за ним к воде спускались ступеньки. На узкой полосе песка у воды ждали прилива вытянутые на берег рыболовные суда и несколько плоскодонок, предназначенных для утиной охоты.

Несмотря на субботний день, деревенская улица казалась пустынной; за поворотом Ратлидж разглядел серповидный мыс, который совсем недавно рассматривал на карте.

Ветер продолжал усиливаться; они повернули прочь от реки, и машину закачало. Вскоре они доехали до окраины деревни, где стояли два дома, по всей вероятности построенные позже. Дорога за последним домом шла в гору. Значит, место, интересовавшее Ратлиджа, располагалось выше деревни. Вскоре он получил подтверждение своим догадкам: впереди показались постройки фермы. Проехав по дороге еще немного вперед, до следующего поворота, он насчитал три фермерских хозяйства. Дальше дорога шла под уклон и снова начались болота. На чьем поле во время войны размещался аэродром? Ратлидж не заметил ни опознавательных знаков, ни полуразрушенных ангаров или казарм, способных навести его на правильный ответ. При всех трех фермах имелись просторные пастбища и пшеничные поля. Поля показались Ратлиджу достаточно плоскими для того, чтобы устроить на них взлетно-посадочные полосы. Он решил, что мыс – идеальное место для небольшой эскадрильи истребителей и служб ПВО, в чью задачу входило не пропускать вражеские цеппелины к Лондону и другим городам. Более того, все фермы располагались прямо на побережье, и видимость здесь была превосходная – если, конечно, с моря не напал туман.

Франс тем временем продолжала свое:

– Ты заметил? Возле деревни нет ни церкви, ни кладбища. Как странно! Где они хоронят своих мертвецов? Кстати, нормального отеля тоже нет. Только крошечная деревенская гостиница. По-моему, там не больше шести номеров, а скорее всего, даже четыре. А судя по тому, как на нас пялились местные жители, они не привыкли к чужакам. Сомневаюсь, что здесь нас угостят вкусным обедом!

Ратлидж подумал, что Франс права. Фарнэм встретил их негостеприимно. Он развернул машину, и они вернулись в деревню. На берегу, чуть поодаль от кромки воды, стояли старые навесы, под которыми отдыхали лодки. Вниз, к воде, вела узкая тропка.

Ратлидж поставил машину на тормоз и вышел. Франс последовала за ним, придерживая шляпку рукой: ветер разыгрался не на шутку.

Она тут же направилась назад, к машине, и спросила:

– Неужели ты спустишься к воде? Смотри, скоро пойдет дождь!

– Нет.

Ратлидж увидел все, что он хотел, с того места, где стоял. Поверхность воды пошла рябью от ветра, как будто он стремился проникнуть в глубину. Обернувшись через плечо, Ратлидж взглянул на небо и понял, что скоро в самом деле начнется дождь и похолодает. Он еще немного постоял, разглядывая лодки, которые покачивались в воде у берега. Вдали

виднелось узкое устье и место, где течение было особенно бурным – там река впадала в море. Он сел в машину, и они тронулись с места.

За пабом обнаружился волнорез, к которому швартовались суда покрупнее. Сейчас баркасы стояли на якорях; мачты раскачивались на ветру. Снова притормозив, он стал смотреть, как человек в грубом рыбацком свитере и шерстяной шапке быстро поднимался по подобию тропы между двумя домами. Ни разу не взглянув в сторону незнакомой машины, он повернул и вскоре скрылся за дверью лавки.

– Нам здесь оказывают на удивление теплый прием, – сухо заметила Франс. – Может, уедем?

– Подождем еще немного, – отозвался Ратлидж. Он и сам не знал, что ожидал увидеть здесь, в Фарнэме. Как бы там ни было, пока он не нашел того, что искал.

На улице тем временем показались другие прохожие; чувство, что деревня так же заброшена, как «Берег», немного ослабло. Впрочем, жители Фарнэма по-прежнему не выказывали ни малейшего гостеприимства, свойственного приморским курортным деревушкам, особенно летом. Несмотря на то что Франс была очень привлекательной молодой женщиной, ни один из местных мужчин ни разу не посмотрел в ее сторону. Все как будто сговорились и не желали даже замечать приезжих, тем более – разговаривать с ними.

Только Ратлидж успел это подумать, как шедший им навстречу невысокий, широкоплечий мужчина остановился и отрывисто спросил:

– Вы кого-то ищите?

Он не начал разговор вежливой фразой: «Чем я могу вам помочь?» или «Вы ведь не местные, верно?». Ратлидж велел себе не злиться и ответил:

– Если честно, мы ищем место, где можно пообедать.

Коротышка окинул их задумчивым взглядом и ответил:

– У нас тут ресторанов нету. Поворачивайте назад, может быть, там найдете, что ищите.

Ратлидж прекрасно помнил, что и на обратном пути на большом расстоянии нет никаких признаков жилья. С другой стороны, за спиной коротышки он заметил вывеску небольшой булочной-кондитерской – здесь местные жители наверняка покупают хлеб. После того как он поблагодарил неприветливого коротышку, тот, не сказав больше ни слова, развернулся и ушел.

Ратлидж остановился на другой стороне дороги и показал сестре пекарню.

– Попробуем попытаться там счастья, – предложил он. – Не совсем ресторан из путеводителя «Мишлен», но, может быть, нам нальют здесь хотя бы по чашке чаю?

– Иен, – тихо возразила Франс, – по-моему, нам стоит прислушаться к совету и возвращаться восвояси. Честно говоря, если раньше мне и хотелось есть, то сейчас я растеряла весь аппетит.

– Да, наверное, – ответил он и все же кивнул в сторону булочной, увидев, как оттуда вышли две женщины и, не глядя на них, зашагали по улице. – Так или иначе, а приличный ресторан мы отыщем не раньше чем через час или два. Давай наберемся храбрости и войдем. Как видишь, местные жительницы побывали там и остались живы.

Франс рассмеялась:

– Ты невозможный оптимист!

Обойдя машину, чтобы открыть сестре дверцу, Ратлидж продолжал:

– И потом, не могут же все жители Фарнэма быть такими негостеприимными. Может быть, за той дверью нас ждут дружелюбные улыбки!

Его надеждам не суждено было сбыться. Хотя за дверью действительно находилась крохотная кондитерская, владелица, стоявшая за прилавком, бросила на него мрачный, подозрительный взгляд. Уголки ее губ были опущены; вторжение чужаков ей явно не понравилось.

И все же приятно было войти в дом и хоть немного отдохнуть от порывов ветра. В булочной-кондитерской оказалось довольно уютно. На столиках лежали чистые скатерти в синюю и белую клетку; стулья были выкрашены в белый цвет. Большая фреска на стене изображала море в солнечный день; вода была голубой, как и небо, по которому к горизонту плыли белые облачка. На полоске песка у воды сидели мужчина и женщина, между ними стояла корзинка для пикника. Красивые дети плескались в воде и строили песочные замки с помощью зеленого ведерка и белой лопатки. Работа оказалась неожиданно хорошей. Местный художник – или кто-то с аэродрома?

– Извините, мои дорогие, мы как раз закрываемся, – сказала владелица булочной. Несмотря на дружеское обращение, голос у нее был холодный.

Три пожилые женщины, сидевшие за столиком в дальнем углу, живо обернулись к вновь вошедшим, придирчиво осмотрели наряд сестры Ратлиджа и дружно отвернулись, словно разом утратили интерес к непрошеным гостям.

– И все-таки, – любезно проговорил Ратлидж, – может быть, вы не откажете в чашке чая двум путникам, сбившимся с пути? – Он повел Франс к столику, а сам остался ждать ответа у прилавка.

Хозяйка довольно нелюбезно буркнула:

– Чай так чай.

Франс уже собиралась вспылить, но заметила выражение лица брата и молча опустилась на предложенный им стул.

Когда он тоже сел и они стали ждать чай, Франс тихо спросила:

– Значит, ты здесь все-таки по работе?

Не желая отвечать ни «да», ни «нет», Ратлидж выглянул в окно. На той стороне, почти на самом берегу, стояло несколько зданий. Одно из них напоминало небольшую сельскую школу. Рядом с ней теснились сапожная мастерская и свечная лавка... Судя по всему, в Фарнэме ничего не менялось со времен королевы Виктории. И жители деревни хотели только одного: чтобы так же продолжалось и дальше.

И все же к аэродрому проложили широкую, хотя теперь и заросшую дорогу, по которой они сюда приехали. В основном дорога шла вдоль берега реки и поворачивала только в том месте, где река впадала в море. Сюда прикомандировали множество армейских офицеров и летчиков. Может быть, здесь разместили целую зенитную батарею... Кроме того, на аэродромах служат механики, которые чинят самолеты, повара, прачки, техники, следящие за состоянием взлетно-посадочных полос, военные строители... Короче говоря, приезжие должны были по меньшей мере удвоить население Фарнэма. А еще они, наверное, принесли с собой дыхание внешнего мира, от которого местные так стремились отгородиться. И все же Ратлидж пока не нашел ни единого упоминания о том, что когда-то здесь был аэродром. Как будто всем служившим на аэродроме так же не терпелось поскорее убраться из этого уединенного уголка, как и местным жителям – избавиться от незваных гостей, и в тот день, когда закончилась война, военные, подобно бедуинам-кочевникам, моментально свернули свои шатры и бесследно исчезли. Ратлидж живо представил, как после отъезда военных жители Фарнэма собрались все до единого и дружно вырвали с корнем все, что напоминало им о неприятном соседстве.

Чай им подали на подносе, расписанном полевыми цветами, связанными в букеты красивой ленточкой. Хозяйка без единого слова поставила на стол чайник, две чашки, ложки, сахарницу и маленький молочник. Когда она вернулась за прилавок, Ратлидж посмотрел в окно и заметил, что в кондитерскую собралась было войти молодая пара, но, увидев незнакомцев у окна, они тут же повернули прочь.

Франс пила чай нарочито церемонно, что позабавило Ратлиджа. Он догадался: его сестра хочет отомстить хозяйке булочной за холодный прием. Пусть терпит их присутствие

как можно дольше! Он заметил блеск в глазах сестры, когда та небрежно приняла у него вторую чашку и завела светскую беседу. Наконец, когда ни в чайнике, ни в чашках не осталось больше чаю, Франс лучезарно улыбнулась брату и поблагодарила его.

– Просто замечательно, Иен! Не совсем тот обед, который мне обещали, но очень славная интерлюдия, – сладким голосом заявила она, достаточно громко, чтобы ее слышала стоящая за прилавком хозяйка.

Ратлидж расплатился за чай и следом за сестрой вышел из булочной. На крыльце Франс, понизив голос, сказала:

– Клянусь, выходя, я спиной чувствовала на себе их злобные взгляды. Они как будто метали в меня кинжалы! Если бы взглядом можно было убить, я бы уже сто раз умерла. И ты, кстати, тоже.

Рассмеявшись, Ратлидж ответил:

– Спасибо, ты отлично мне подыграла!

По пути к машине их остановил еще один местный житель, одетый в вельветовые брюки и старую рубашку.

– Вы что же, домик здесь присматриваете? – осведомился он.

Ратлидж удивился:

– С чего вы взяли, что мы хотим купить здесь дом?

– А для чего же еще вы тогда приехали? Вы ведь не первые, знаете ли. В конце войны сюда многие наезжали из Лондона. Болтали о каких-то планах развития и тому подобном... Хотели превратить Фарнэм в курортный городок, чтобы жители лондонского Ист-Энда могли приезжать сюда отдыхать по выходным. Ну вот, вы теперь сами убедились, что особо красивых морских видов у нас нет, верно? Речка у нас бурная, к тому же выше Фарнэма оба берега заболочены... Мы только рекой и кормимся – в каждой семье есть лодка. Зато чужакам, которые ищут, где бы отдохнуть, в наших краях ловить нечего.

– Один мой знакомый, – медленно проговорил Ратлидж, – служил в ваших краях во время войны. Он рассказал мне, что жители Фарнэма особым дружелюбием не отличаются... Вряд ли в скором времени к вам нахлынет лавина отдыхающих!

– Но вот вы же приехали, – возразил местный житель. – Несмотря на то что мы такие недружелюбные.

– Д-да... я думал, что мой знакомый ошибается. Мне, видите ли, стало любопытно.

Его собеседник подозрительно прищурился:

– Зачем же вы тогда сюда явились? – Он покосился на Франс, стоявшую сбоку, затем снова перевел взгляд на Ратлиджа. – Деревня наша в самом конце дороги, так что не говорите, что вы сбились с пути и заплутали!

– Я ведь вам сказал: меня привело сюда любопытство.

– Может, вы смотрели дом за воротами – ну, где еще ананасы на столбах? Так знайте, он не продается, что бы вам про него ни наплели. Кое-кто видел, как вы его осматривали.

– Оттуда открывается красивый вид на реку, – кивнул Ратлидж, словно соглашался со своим собеседником. – Но я предпочитаю жить в доме, из окон которого видны соседские крыши.

– Тогда вам придется вернуться туда, откуда вы приехали. Желаю вам и вашей даме приятного дня.

И он зашагал дальше, не оборачиваясь.

– Иен, – сказала Франс, – мне уже не смешно. Я хочу уехать.

Когда он следом за сестрой пошел к машине, она вдруг спросила:

– Что они скрывают? А они наверняка что-то скрывают.

– Убийство, – ответил Ратлидж. – Такова моя догадка. Но я не знаю, кого убили, когда и почему.

– Значит, там, в кондитерской, я была права. Ты все-таки приехал сюда по работе! Он захлопнул за ней дверцу и завел мотор.

– Я и сам точно не знаю, что привело меня сюда, – признался он, садясь за руль. – Недавно ко мне пришел один человек и признался в том, что убил человека. Но я ему пока не очень-то верю.

– Зачем ему наговаривать на себя?

– Интересный вопрос. Может, чтобы кого-то выгородить, скрыть другое преступление или положить конец имущественному спору... А может, он просто хотел проверить, что нам известно – или неизвестно – о чьей-то смерти.

– Так или иначе, все сводится к любопытству. Его... и твоему.

– Вот именно! Но Скотленд-Ярд не может начинать официальное расследование лишь на основании чьих-то слов. Во-первых, у нас нет трупа. Нет доказательства, что он когда-либо существовал.

Наконец, пошел дождь; засверкала молния, загредел гром. Капли дождя забарабанили по ветровому стеклу, мешая видеть, и Ратлидж замолчал, сосредоточенно глядя вперед. Уехав от грозы, они попали под проливной дождь, который так громко барабанил по крыше, что мешал говорить. Наконец, они миновали ливень и покатались под слабым, еле морозящим дождем. Ратлидж радовался, что они убрались из болотного края. Там, в низине, наверное, плохо бывает при наводнениях.

Франс сказала в ответ на слова, которые произнес Ратлидж до того, как разразилась гроза:

– И все-таки ты сюда приехал. Наверное, что-то в том человеке пробудило твое любопытство.

– Он сказал, что умирает. Выглядел он действительно неважно, так что, скорее всего, не солгал.

– Думаешь, как только он умрет, след будет потерян? Ты поэтому решил съездить на разведку на свой страх и риск?

– Мне просто не нравится, когда меня дурачат. Ни правдой... ни ложью.

– И что ты узнал? Чем помогло тебе наше утомительное путешествие?

– Я получил представление о той части Эссекса, которую не знал раньше. Спасибо, что поехала со мной! Одинокий мужчина привлекает к себе гораздо больше внимания, а я сейчас меньше всего хочу, чтобы во мне заподозрили полицейского.

Франс такой ответ вполне устроил. Но сам Ратлидж вовсе не был уверен в том, что удовлетворен.

Глава 4

Через десять дней Ратлидж сидел у себя в кабинете и заканчивал подписывать материалы дел, когда в дверь постучали. Сразу после этого к нему вошел сержант Гибсон.

Подняв голову, Ратлидж сказал:

– Все будет готово через полчаса.

Гибсон ответил:

– Сэр, дело не в отчетах. В Темзе нашли покойника; выловили его в Грейвсенде. Он не утопленник. В розыск его не объявляли. Нам прислали его фотографию в надежде, что Скотленд-Ярд чем-нибудь поможет. Скорее всего, в реку он упал в Лондоне. Во всяком случае, в Грейвсенде его не знают.

Он достал фотографию из папки, которую держал в руках, и положил на стол Ратлиджа.

Вначале Ратлидж взглянул на снимок бегло, не ожидая, что узнает худое лицо, которое смотрело на него с фотографии. Потом он насторожился. Внимательно посмотрев на мертвеца во второй раз, он спросил:

– Не тот ли это человек, который приходил к нам недели две назад? Наверное, нет. – Он не ожидал, что Рассел так скоро покончит со своими страданиями.

– Сэр, он приходил двенадцать дней назад – если меня не обманывает память. Первым заметил сходство сержант Хэмптон, ведь он сам привел к вам того человека! И насколько мне известно, память на лица у него замечательная, поэтому вряд ли он ошибается. Вот почему я принес вам эту фотографию. Подумал, вам захочется знать. Сходство сильное, говорит сержант Хэмптон, хотя вода его не пощадила.

– Да уж... Что написано в протоколе вскрытия?

– Ему недолго оставалось жить. Неоперабельный рак желудка. Казалось бы, из-за такого он вполне мог покончить с собой. Но он не сам застрелился. Пуля угодила ему в затылок.

– Вот как? – Ратлидж пристальнее всмотрелся в снимок. – Человек, который приходил в Скотленд-Ярд, сказал, что умирает от рака. По-моему, на фотографии именно он... Кто ведет следствие в Грейвсенде?

– Инспектор Адамс, сэр.

– Я слышал о нем. Неплохой человек. Очень дотошный. – Ратлидж сунул лежавшие перед ним бумаги в папку, а папку сдвинул в сторону. – Это может подождать. Пожалуй, взгляну-ка я на него сам. Чтобы убедиться наверняка.

Гибсон спросил:

– Спросите разрешения у начальника? Он сейчас обедает с лорд-мэром.

– Я оставлю суперинтенденту записку. Скорее всего, на работу он вернется уже под вечер. – Ратлидж достал лист бумаги и, подумав немного, написал на нем несколько строк. Надев колпачок на ручку, он передал записку сержанту Гибсону и взглянул на часы. – Скорее всего, я успею вернуться еще до того, как они приступят к десерту.

Когда сержант вышел, Ратлидж взял шляпу, записную книжку и вышел из кабинета. Через пять минут он уже сидел в машине и по оживленным лондонским улицам ехал на восток.

Грейвсенд – старинный городок на южном берегу Темзы; его основали на том месте, где среди болот нашлось единственное место для пристани. На протяжении веков здешние паромщики обладали правом перевозить пассажиров в Лондон и из Лондона. Добравшись до окраины, Ратлидж заехал в недавно отремонтированную гостиницу и спросил дорогу. Центр городка, как то часто бывает, находился на возвышенности – на Мельничном холме. Вскоре он нашел и полицейский участок.

Инспектор Адамс, худощавый, в очках в роговой оправе, сдвинутых на лоб, поднял голову, когда Ратлидж вошел в его кабинет.

– Скотленд-Ярд? – спросил он, когда Ратлидж назвал. – Вы, наверное, пришли из-за нашего трупа. Все-таки мы неплохо придумали послать его фотографию в Лондон. Он не из наших, тут мы почти уверены. И скорее всего, в воду он упал где-то южнее Тауэра.

Ратлидж спросил:

– Как по-вашему, сколько времени он пробыл в воде?

– Приблизительно двадцать четыре часа, а то и больше.

– В его карманах не нашлось никаких документов, ничего, способного помочь его опознанию? Ни ключа от номера в отеле, ни флакона с лекарствами, даже носового платка? – Он надеялся, что у Рассела хотя бы сохранится ключ от номера в отеле «Мальборо».

– Нет, ничего. – Адамс сдвинул очки на глаза и стал искать нужный документ на столе, заваленном бумагами, и, найдя, прочитал вслух: – Белый мужчина, приблизительно тридцати лет, светловолосый, рост – пять футов одиннадцать дюймов, особых примет не имеет, страдал от метастазированного рака желудка в последней стадии. В карманах ничего не обнаружено. Застрелен с близкого расстояния, судя по калибру – из револьвера армейского образца... Одежда добротная, хорошо сшитая. Выдает в нем джентльмена. Пробыл в воде двадцать четыре, возможно – тридцать шесть часов. – Адамс взглянул на гостя поверх очков. – Подожди его убийца еще несколько месяцев, и природа сама сделала бы все за него. По-моему, он поторопился.

– Он признавал, что ему недолго осталось жить.

– Значит, вы с ним знакомы. Имя у него есть?

– Ну да, конечно. Его звали Уайат Рассел. Он жил по адресу: Фарнэм-роуд, графство Эссекс. Во всяком случае, так он сказал, когда недавно приходил в Скотленд-Ярд, чтобы сообщить о преступлении. Пока мы не обнаружили никаких улик, подтверждающих правдивость его рассказа. Но мы не можем и доказать обратного. Вопрос состоит в следующем. Связано ли его убийство, совершенное две недели спустя, с тем, что он нам сообщил? Кого или что он задел, всколыхнул – намеренно или ненамеренно? И кто еще замешан в деле?

Подавал голос Хэмиш; в маленьком кабинете его голос казался особенно неприятным.

«Да ты ведь и сам задавал себе такой же вопрос, когда он отказывался подробно рассказать о том, как убил человека!»

Из-за Хэмиша Ратлидж едва не прослушал вопрос Адамса. Инспектору пришлось повторить:

– О каком именно преступлении он сообщил?

– Об убийстве.

– Ну вот, пожалуйста. Значит, кому-то не хотелось, чтобы об этом стало известно.

– Но мой гость утверждал, что убийца – он сам.

– Да неужели! – Адамс снова сдвинул очки на лоб. Немного помолчав, он спросил: – А вы учли стадию его болезни? Должно быть, его мучили невыносимые боли и он принимал целую кучу лекарств, в том числе наркотиков. Вы, наверное, задались вопросом, в своем ли он уме. Он мог чувствовать свою вину за смерть человека и в конце концов убедил себя в том, что убил его. Чувство вины проявляется в самых разных формах.

Кому-кому, а Ратлиджу не надо было об этом напоминать.

– Придется спросить врача. Сам Рассел намекал на то, что за него говорит морфий.

– Рад, что дело ведете вы, а не я. Хотите забрать труп? Никто пока не объявил о его пропаже. Какой бесславный конец! А ведь у него, наверное, есть родственники... – Адамс выдвинул ящик стола и достал оттуда небольшой сверток. – Вот что было у него на шее. Убийца обшарил его карманы, а этого не заметил.

Адамс протянул сверток Ратлиджу; тот принял его и развернул оберточную бумагу.

Внутри оказался овальный золотой медальон на золотой же цепочке. На крышке была искусно вырезана буква «Е». Сам медальон выглядел или старым, или потертым – скорее всего, и то и другое. Ратлидж нашел сбоку защелку и нажал на нее. Внутри он увидел два гнезда для фотографий. Правый овал оказался пустым, зато слева на него смотрело женское лицо. Несмотря на пятна от воды, сразу было заметно, что женщина со снимка молода и красива – и модно одевается, если судить по вороту платья. Ее волосы были зачесаны назад и уложены в пучок на затылке. О цвете судить не представлялось возможным, но он решил, что волосы у нее темно-русые.

– Я решил, что медальон принадлежал ей, а она умерла. Вот почему покойный носил на шее женскую вещицу, – пояснил Адамс. – Дань сентиментальности.

– Рассел потерял жену, которая умерла родами, спустя немногим меньше года после того, как они поженились. Ни имя ее, ни фамилия не начинались с буквы «Е».

– Вот вам и вся сентиментальность! – буркнул Адамс.

По-прежнему рассматривая лицо в медальоне, Ратлидж сказал:

– Он знал, что умирает. Значит, он ходил к врачу. Скорее всего, в Лондоне. Нужно найти его и поговорить с ним.

– Вы, кажется, сказали, что он жил в Эссексе, на Фарнэм-роуд. Кажется, это где-то на реке Хокинг?

– Особняк, в котором он жил раньше, закрыт. Когда я с ним познакомился, он дал понять, что остановился в отеле «Мальборо». Может быть, кто-то из персонала отеля сумеет больше рассказать нам о нем. – Ратлидж нахмурился. – Вы совершенно уверены, что Рассел не сам выстрелил себе в голову, чтобы избежать более мучительной смерти?

– По словам врача, самоубийство исключается – если, конечно, покойный не был цирковым акробатом. Хотите осмотреть останки?

Ратлидж вместе с Адамсом прошел в больницу, где помещался труп. Внизу, в подвале корпуса, они долго брели длинными коридорами и, наконец, пришли в маленький морг. Адамс объяснил, что еще три находящихся там трупа принадлежат пациентам, умершим в больнице. Они ждали гробовщика. Их покойник лежал в самом дальнем углу.

Едва откинув с головы мертвеца простыню, Ратлидж сразу же узнал Рассела. Сходство было сильнее, чем на фотографии, которую, должно быть, снимали при плохом освещении.

– Да, я бы подтвердил его личность даже в суде под присягой. – Он повернул голову мертвеца набок, чтобы осмотреть входное отверстие. – Ваш врач прав, он никак не мог застрелиться. Кто, вы сказали, нашел тело?

– Паромщик по фамилии Актон. Он втащил труп к себе в лодку и привез нам. Можете побеседовать с ним, если хотите. Он вернется в Грейвсенд часов через пять.

– Вы записали его показания? Они вас устраивают?

– Показания у меня на столе. Да, Актон много лет работает на реке. У меня нет оснований подозревать, будто он имеет какое-то отношение к смерти Рассела.

– Тогда я не стану дожидаться его, а просто захвачу его показания с собой. – Снова накрыв тело простыней, Ратлидж предупредил: – Если узнаете о нем что-нибудь еще... или, если его начнет разыскивать кто-то из жителей Кента, пожалуйста, дайте мне знать. Но, помоему, вы правы насчет того, что начинать следует с Лондона.

– Я уже проверил списки людей, объявленных в розыск. С его приметам нет никого. И потом, он ведь пропал уже какое-то время назад; если бы его хватились, его бы уже начали искать.

– А как насчет Тилбери на том берегу? – спросил Ратлидж, когда они вышли из больницы.

– Мы послали его фотографию не только к вам, в Скотленд-Ярд, но и в Тилбери. Кроме того, я позвонил им по телефону. Мой коллега из Тилбери такого не знает. Не числился он

и в списках тамошних пропавших без вести. И все же я спрошу еще раз, ведь теперь у меня есть его фамилия и я знаю, что он когда-то жил в Эссексе.

Ратлидж поблагодарил Адамса, забрал с собой медальон, копию показаний паромщика и протокол вскрытия.

Документы лежали в конверте на сиденье рядом с ним, когда он возвращался в Лондон. А за его спиной слышался голос, который он знал так же хорошо, как свой собственный, и которого боялся.

Хэмиш сказал:

«А ты ему не поверил – этому Расселу. Вот если бы поверил, он бы сейчас, наверное, был жив!»

«Нет. Он сам сделал выбор. Он не хотел сообщить мне то, что мне нужно было знать. Сделал тайну из того, что должен был рассказать, потому что не хотел бросать тень на самого себя. Или выдавать другого».

Хэмиш презрительно хмыкнул.

Ратлидж тысячу раз твердил себе, что никакого Хэмиша на заднем сиденье нет, но все без толку. Он прекрасно помнил, что Хэмиш умер и похоронен во Франции, что, впрочем, его нисколько не утешало.

Врачи называли его состояние посттравматическим шоком, последствием контузии. Вот почему он слышит голос, который кажется таким реальным. Ратлидж то и дело вступал в мысленный диалог с Хэмишем, а иногда, к ужасу своему, возражал ему вслух. Капрал Хэмиш Маклауд сражался с Ратлиджем почти с самого начала. Молодой шотландец обладал задатками настоящего полководца, что не соответствовало его возрасту. Между ними, между офицером и капралом, завязалась настоящая дружба. Оба понимали, что на войне самое главное – заботиться о солдатах. За два года ожесточенных боев они насмотрелись на раненых и умирающих и многому научились. Неопытные новобранцы, которые в первый раз шли в бой, почти не имели надежды выжить. Умный командир старался хотя бы удвоить их шансы, что дорогого стоило.

А потом на Сомме, в первые кровавые недели боев, Хэмиш Маклауд поставил Ратлиджа в безвыходное положение: он в присутствии солдат отказался выполнить приказ. На то у него имелись веские причины. Хэмиш понимал, что еще раз подниматься в атаку против надежно закрепившихся на позициях немецких пулеметчиков – настоящее безумие. Многие солдаты погибли без нужды. И все же командование приказало взять высоту любой ценой до следующей атаки немцев. Ратлидж собирался выполнить приказ ради нескольких сотен британских солдат, которым предстояло вскоре преодолеть ничейную землю. Благо немногих против блага большинства. Таков был выбор. Хэмиш выбрал свой обескровленный, измученный батальон.

Никакие доводы не могли его поколебать. Даже когда, в пример другим усталым и подавленным солдатам, Ратлиджу пришлось пригрозить капралу расстрелом, Хэмиш не передумал. И Ратлиджу пришлось выполнить свою угрозу, вопреки здравому смыслу и вопреки сознанию того, что он сам виноват. Ему пришлось нанести умирающему смертельный удар: достать пистолет и выстрелить в него в упор. Потом он смотрел, как стекленеют глаза, в которых застыла боль.

Он не хотел этого, не хотел, чтобы гибель Хэмиша Маклауда лежала на его совести. Даже его разум отказывался смириться с тем, что он сделал. Груз вины стал невыносимым. И вот его больной разум создал живого Хэмиша как доказательство, что молодой капрал не умер. Он жил в голове у Ратлиджа еще два года войны, наполненные горечью и смертью. И продолжал жить после войны. Ратлидж привез Хэмиша с собой.

Военные нужды превыше всего! Ратлидж почти ненавидел Хэмиша за то, что тот дрогнул, за то, что вынудил себя убить. Но хотя в те дни он и сам был близок к тому, чтобы тоже

дрогнуть и сломаться, хотя и сам понимал, что молодой капрал прав, долг оставался для него превыше всего. Состраданию не место на поле боя. На войне самое главное – подчиняться приказам.

Бывали времена, когда самому Ратлиджу хотелось умереть, чтобы прогнать звучащий в голове голос с шотландским выговором. Но умереть он не мог: когда умрет он сам, наконец, умрет и сам Хэмиш. За последние два года войны его не коснулась ни одна пуля. Солдаты называли его зачарованным. И только сам Ратлидж понимал, в чем тут дело. Бог не желал принимать его – убийцу...

Чтобы положить конец воспоминаниям, грозившим целиком завладеть им, Ратлидж притормозил у обочины и остановил машину. Вскрыв лежащий рядом конверт, он достал оттуда медальон. Открыл его и посмотрел в лицо женщине, чью фотографию кто-то заботливо поместил внутрь.

Кто она? Почему сыграла такую важную роль в жизни некоего Уайата Рассела?

Спустя какое-то время Ратлидж закрыл медальон и снова сунул в конверт. Почему мертвец носил его?

Может быть, сказал он себе, если он узнает ответ на этот вопрос, он поймет, почему умер Уайат Рассел.

Добравшись до Лондона, Ратлидж отправился напрямик в отель «Мальборо», где они с Расселом обедали в тот день, когда он пришел с признанием. Если вещи Рассела до сих пор в его номере, возможно, они больше расскажут ему о своем владельце, чем тот сам хотел поведать при жизни.

В отель как раз прибыла какая-то супружеская пара; прошло несколько минут, прежде чем они зарегистрировались и сдали багаж носильщику, который должен был отнести его в их номер. Когда они отошли от стойки, Ратлидж подошел к портье и попросил книгу регистрации постояльцев. Он хотел проверить, кто поселился в отеле двенадцать дней назад, когда он приходил сюда с Расселом.

Портье не хотел давать ему книгу регистрации; уступил лишь после того, как Ратлидж негромко объяснил, что он из Скотленд-Ярда. Но книгу портье ему все же не дал, а листал ее сам.

Просмотрев список постояльцев, портье покачал головой:

– Не нахожу никакого мистера Рассела. Он не поселился ни в тот день, ни в ближайшие дни... Извините.

– Будьте так добры, просмотрите записи еще раз. Он сказал мне, что живет в вашем отеле... Он был тяжело болен.

Портье водил пальцем по списку постояльцев, медленно переворачивая страницы.

– Нет, инспектор, извините. Такой фамилии я не вижу.

Либо Рассел солгал, сообщив, что остановился в этом отеле, либо неверно назвал свою фамилию.

Ратлидж поблагодарил портье и вышел. К тому времени, как он добрался до Скотленд-Ярда, старший суперинтендент Боулс уже ждал его. Гибсон предупредил его заранее, и на лице сержанта застыло укоризненное выражение: «А что я вам говорил?»

Постучав в дверь старшего суперинтендента, Ратлидж вошел.

– Сэр, вы хотели меня видеть?

– Что там за труп в Грейвсенде?

– Я узнал фотографию, которую прислали в Скотленд-Ярд, и решил сам съездить на опознание. – Он вкратце описал визит Рассела и рассказал все, что удалось выяснить в Грейвсенде, зато умолчал об обеде с Расселом, и о том, что заезжал в отель перед тем, как вернуться в Скотленд-Ярд.

– И вы уверены, что из Темзы выловили именно его?

– Уверен, это тот же человек, который приходил ко мне, – осторожно ответил Рассел. – Мне хотелось бы съездить в Эссекс, чтобы проверить полученные мной сведения. Возможно, там найдутся люди, которым больше известно о Расселе.

– Да, да, пожалуй. Не очень-то я верю его признанию. И вы не особенно тратьте на него время. Наше дело – его собственная смерть. – Суперинтендент Боулс взял ручку и принялся вертеть ее в руке, как будто она могла бы дать Ратлиджу нужный ответ, если бы он смотрел на нее достаточно долго. Потом он сказал: – Я знаком с начальством инспектора Адамса. Нехорошо, если дело затянется. Вы понимаете, что я имею в виду?

Ратлидж все прекрасно понял. Боулс радовался, что дело ведет Лондон, а не Грейвсенд. Он бы еще больше обрадовался, если бы Ратлидж раскрыл убийство быстро и без труда. Тогда он с радостью утер бы нос своему конкуренту.

Час спустя Ратлидж уже ехал в Эссекс.

На сей раз он не взял с собой Франс. С ним был только Хэмиш. Хотя сияло солнце и денек выдался погожим, путешествие тянулось бесконечно, и Ратлиджу казалось, что он добирался до Фарнэма вдвое дольше, чем в прошлый раз.

Он заранее решил первым делом навеститься к священнику уединенной церкви, которую видели они с Франс. Церковь находилась примерно на полпути между заброшенной усадьбой под названием «Берег» и деревушкой Фарнэм. Если кто-то что-то и знал о прошлом Рассела, то, скорее всего, человек, который духовно окормлял членов его семьи.

Проезжая ворота усадьбы, Ратлидж снова задумался. Почему Рассел бросил дом? Может, из-за смерти жены? Или потому, что здесь он убил человека и остался безнаказанным? Тем не менее кто-то его выследил, и возмездие его все же настигло.

Око за око.

Впереди замаячила невысокая колоколенка, стоявшая, как часовой, среди бесконечных болот. Сегодня трава переливалась разными оттенками и цветами. И лента реки за полосой болота была ярко-голубой, словно в ней отражалось небо. День выдался теплым, хотя и ветреным; ветер шевелил траву, и она шуршала, как будто в ней пряталась и шепталась целая толпа народу.

Франс тогда заметила примерно то же. Впрочем, сейчас, проезжая мимо этих мест один, Ратлидж вдруг понял, что сестра точно определила ощущение, возникшее здесь у нее, теперь он почувствовал то же самое.

Она тогда сказала: «Как будто за мной кто-то следит».

Наверное, подумалось Ратлиджу, в таком месте человека с нечистой совестью испытывает страх. Может быть, именно поэтому дом опустел? Может быть, убийце чудились обвинения в шепотах и шорохах травы?

Он остановился у церкви, понятия не имея, где искать дом священника. И подумал, что, если повезет, он застанет кого-нибудь в церкви и, может быть, ему объяснят, как найти священника.

Сегодня под табличкой с названием храма красовалась другая цитата из Священного Писания: «Ищите и найдете; стучите, и отворят вам; Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят».⁴

Ратлидж понадеялся, что эти слова окажутся сегодня справедливыми и для него. В прошлый раз в Фарнэме все вышло совсем не так.

Он потянул на себя дверь; завизжали ржавые петли. Внутри все оказалось просто, совсем по-викториански.

«Не придется тебе никого искать. Ты поднял такой шум, что все сами сюда сбегутся».

⁴ Лк., 9: 10.

И Хэмиш оказался прав. Дверь с противоположной стороны храма открылась, и в нее вошел человек.

На нем был пасторский воротник; на его квадратном, обветренном лице застыло встревоженное выражение. Трудно было сказать, сколько ему лет. Он принадлежал к числу мужчин, которые лет до сорока кажутся совсем мальчишками. Ратлидж поймал себя на мысли, что такая внешность – недостаток для священника, который старается выглядеть опытным и мудрым.

Священник не подошел к гостю. Увидев, что перед ним незнакомец, он остановился и звучным голосом, еще больше подчеркивавшим его беспокойство, спросил:

– Вы заблудились?

– Мистер Моррисон? Я из Лондона. Скотленд-Ярд. Хотел бы побеседовать с вами об одном из ваших прихожан.

– В самом деле? – удивился священник. – В нашем приходе, как и везде, встречаются люди безнравственные, но не могу припомнить, чтобы кто-то из них в последнее время привлёк к себе внимание Скотленд-Ярда.

– Мы можем где-нибудь поговорить? – спросил Ратлидж.

Священник показал на скамьи:

– Места здесь хватает. Давайте присядем?

Ратлидж зашагал вперед; священник не сдвинулся с места, пока Ратлидж не дошел до предпоследнего ряда.

– Здесь подойдет?

– Да. Спасибо. – Тут священник шагнул вперед и, наконец, протянул руку. – Боюсь, у вас передо мной преимущество: вы знаете, как меня зовут, а я вас не знаю.

– Инспектор Ратлидж.

– Ага... Что ж, мистер Ратлидж, вынужден признать, что мне немного известно о моей пастве, но я постараюсь помочь вам, чем смогу.

Они сели на жесткую деревянную скамью лицом друг к другу. Ратлидж достал из кармана медальон на тонкой цепочке и, открыв, протянул священнику, хотя заранее знал ответ на свой еще не заданный вопрос:

– Вам знакома эта женщина?

– Да... Да, я знал ее, – медленно ответил Моррисон, беря медальон, хотя ясно было, что более пристально рассматривать изображение ему не требуется. – Когда-то она жила неподалеку отсюда.

– Пожалуйста, скажите, как ее зовут.

– Позвольте сначала спросить, где вы нашли этот медальон?

– В Грейвсенде, – ответил Ратлидж. Видя, что священник молчит и смотрит на фотографию, Ратлидж продолжал: – Полиция обнаружила его на шее трупа, выловленного из Темзы.

– Боже правый! – Священник резко захлопнул медальон, как будто ему невыносимо стало смотреть на фотографию. Его взгляд переместился на алтарь. – Кто... тело опознали?

– У нас есть основания полагать, что покойный – некий Уайат Рассел.

На лице священника отразилось такое облегчение, что Ратлиджу стало даже неприятно. Отвернувшись, он спросил:

– Вы его знали?

– Д-да, знал. Он жил недалеко отсюда.

– В усадьбе, которая носит название «Берег».

– Да, откуда вы знаете?

– Незадолго до своей смерти он приходил ко мне. Вы не сказали, кто та женщина.

– Он покончил с собой?

– Его убили, – сухо ответил Рассел. – Так как ее зовут, преподобный?

– Упокой Господи его душу, – пылко произнес Моррисон и перекрестился. – Да... женщину на фотографии зовут Синтия Фаррадей. Она поселилась в усадьбе «Берег» после того, как ее родители умерли от тифа. Кажется, ее отец и покойный Малколм Рассел были двоюродными братьями. Она тогда была слишком молода, чтобы жить самостоятельно, и миссис Рассел, вдова Малколма, стала ее опекуницей. Тогда она была еще жива – я имею в виду, миссис Рассел, мать Уайата. А потом, летом четырнадцатого года... точнее, в августе... миссис Рассел взяла и исчезла.

– Полицию вызывали?

– Да, приезжали полицейские из Тилбери. Когда родные поняли, что она пропала, ее стали искать. Потом кого-то из слуг спешно послали в Тилбери. Позвали на помощь и жителей Фарнэма, которые хорошо знают местные болота. Но миссис Рассел так и не нашли. Дознаватель пришел к выводу, что она покончила с собой, так как боялась, что ее сына убьют на войне. Видите ли, она потеряла мужа на войне с бурами. Сын помнил, что, когда мать была еще девочкой, цыганка гадала ей по руке и предсказала, что война отнимет у нее всех, кого она любит. Смерть мужа убедила ее в том, что предсказание сбывается.

Тем летом, после того как в Сараеве убили австрийского эрцгерцога, наследника габсбургского престола, все много рассуждали о будущем. Ратлидж отлично помнил все ходившие тогда слухи и домыслы. Потребуется ли Австрия ответа от сербов? И что будет делать Германия, если Россия поднимется на защиту братьев-славян? Придется ли Франции как союзнице России также объявить войну Германии? Правительства приступили к мобилизации; армии передислоцировали к границам. А в Бельгию, крошечную Бельгию с открытыми границами и маленькой армией, вторглись немецкие войска по пути во Францию, несмотря на то что Британия объявила, что берет Бельгию под свою защиту. У Британии не осталось выбора; пришлось объявить войну Германии. Вскоре запыхала вся Европа.

Сначала никто не верил в то, что война начнется. А потом все думали, что она закончится к Рождеству, что главы государств опомнятся.

Но кровавая бойня растянулась на целых четыре года. У миссис Рассел были все основания бояться за сына, хотя в то время еще никто не мог этого предугадать.

– Неужели она в самом деле могла покончить с собой из-за какого-то глупого суеверия? Наверняка тщательное расследование открыло более вескую причину ее исчезновения... И потом, если она утонула, рано или поздно ее тело прибило бы к берегу?

– Вы ее не знали, – устало ответил Моррисон. – Элизабет Рассел была одержима новостями; она читала все, что могла найти. Ей с курьером присылали все лондонские ежедневные газеты. Она переписывалась с подругой, вышедшей замуж за француза; когда немецкие войска перешли границу, подруга послала ей телеграмму. И несмотря ни на что, ее сын пошел в армию, хотя не прошло и двух недель после ее исчезновения. – Священник пожал плечами. – Местные жители, по-своему мудрые люди, даже радовались, что тело миссис Рассел не нашли. Видите ли, на самоубийце словно появляется клеймо... И если бы потом ее нашли, неизбежно возник бы вопрос, где ее хоронить... Жители Фарнэма были недовольны даже тем, что Рассел захотел поставить матери памятник в их семейном склепе. Должен сказать, их отношение меня удивило. Мои прихожане в целом не слишком набожны.

– Вы сказали, что местные жители помогали в поисках. Не могли ли они нарочно сделать так, чтобы ее тело не нашли?

– Боже правый! – ошеломленно воскликнул священник. – Об этом я не подумал.

– Где находится этот склеп? Есть ли у вашего прихода кладбище?

– А, кладбище... Здесь, у реки, уровень грунтовых вод очень высок. Вот почему рядом с нашей церковью вы не найдете ни единого захоронения. Если вы поедете к деревне, то на полпути увидите поворот на проселочную дорогу, больше похожую на тропу. Она поднимается в гору. Там и располагается кладбище; рядом стоит дом приходского священника.

– Простите, преподобный, но не странно ли возводить церковь так далеко от деревни? К тому же кладбище находится в другом месте...

– О, это долгая история, – ответил Моррисон. – К тому же не очень приятная. Всего я и сам не знаю. Достаточно будет сказать, что эту церковь построили за несколько лет до того, как на трон взошла королева Виктория. В те дни епископ решил, что приходу Фарнэм необходима своя церковь. Но местные жители не очень-то любят сюда приходить. Среди моих прихожан – пожилые фермерши, дети, которые готовятся к первому причастию, новобрачные... Иногда приходят те, кому не к кому больше обратиться в скорби своей, кроме Господа. Я не ожидал, что мне достанется такой приход. Должен признаться, служба здесь стала для меня испытанием воли.

Ратлидж понял, что Моррисон очень ловко перевел разговор с Рассела и женщины с фотографии в медальоне на себя. Он решительно спросил:

– Когда вы в последний раз видели Рассела?

– По-моему, после того, как он записался добровольцем, сюда он больше не возвращался. А если и возвращался, то я его не видел. Однако я узнал, что он стал майором. Его фамилия появилась в списках раненых.

– А мисс Фаррадей?

– Так как не стало ее опекуниши, миссис Рассел, и некому стало охранять ее, она уехала в Лондон. Очень печально! Ведь Рассел уехал воевать, она могла бы остаться в доме, и никто не сказал бы про нее худого слова. Но когда она заходила ко мне попрощаться, она сказала, что в доме живут привидения.

– Что, буквально?

– Я и сам задал ей такой же вопрос. Она ответила, что дом наполнен призраками того, что могло бы быть. Она выразилась буквально так: «Это несчастливый дом».

– Насколько я понял, Рассел был женат.

– Да, он женился в последний отпуск, перед тем как отплыть во Францию. Кажется, в «Берег» он свою невесту ни разу не привозил. А мне хотелось бы познакомиться с ней. Позже я узнал, что она умерла от осложнений при родах и ребенок тоже умер.

– Может быть, мисс Фаррадей предпочла уехать... именно потому, что он женился?

Моррисон улыбнулся, хотя глаза его оставались печальными.

– Отнюдь; все было совсем наоборот. Стоило ей захотеть, и Рассел немедленно женился бы на ней. Насколько я понял, она ему отказала. Я боялся, что он женился только для того, чтобы обеспечить «Берегу» наследника. Ну, если и так, «Берег» ему все равно не достался, верно? Впрочем, насколько я понял, на войне он остался жив. Так что предсказание, сделанное его матери, не сбылось.

Ратлидж достал из конверта фотографию покойника, выловленного в Грейвсенде.

– Мне нужно подтверждение, что это в самом деле Уайат Рассел. Если у вас возникнут сомнения, я охотно отвезу вас в Тилбери, откуда мы на пароме переправимся в Грейвсенд.

– Сначала дайте посмотреть снимок.

Ратлидж передал священнику фотографию. Моррисон взял ее и осмотрел в бледных лучах солнца, которые проникали через высокие окна.

– Но это не Рассел! – воскликнул он. – С чего вы взяли, что это он?

– Как не Рассел?! Вы уверены? Вы ведь не видели его шесть лет, – возразил Ратлидж, пытаясь скрыть ужас.

– Готов поручиться своей головой!

Глава 5

– Это не может быть Джастин Фаулер? – спросил Ратлидж.

– К сожалению, нет.

– Значит, вы и Фаулера знали?

– Он был родственником миссис Рассел, хотя она, кажется, не слишком ладила с его родней. Еще до того, как Джастин Фаулер приехал сюда, она признавалась мне, что прекратила общаться с его матерью после того, как та вышла за мистера Фаулера. У меня сложилось впечатление, что миссис Рассел его не одобряла. Мужа то есть. Это случилось сразу после того, как к ней приехал адвокат и попросил принять к себе мальчика. Она сказала, что Господь в мудрости Своей счел нужным, чтобы у нее был только один ребенок. Но в возмещение Всевышний позже послал ей дочь, которая так и не родилась у нее самой, и вот теперь – второго сына. Позже я спрашивал себя, в самом ли деле она так радовалась детям, как ожидала. Матери непросто с такими детьми. В конце концов, они ведь не ее. Потом она пропала, и мальчики – то есть к тому времени они уже стали молодыми людьми – пошли в армию. Не знаю, остался жив Джастин Фаулер или нет. Я сам отвез его на станцию в машине миссис Рассел, и он сел на поезд до Лондона. Тогда я и видел его в последний раз. Тихий мальчик, замкнутый в себе. Я не очень хорошо знал его. Но он чего-то боялся – я так и не понял чего.

– Тогда кто же человек на фотографии?

Моррисон нахмурился и снова осмотрел снимок.

– Извините. Мне кажется, я никогда раньше его не видел. Но вы сказали, что он сам пришел к вам в Скотленд-Ярд? Тот, кто на снимке? С чего вы взяли, что он – майор Рассел?

– Так он мне представился, – уверенно ответил Ратлидж.

– Очень странно! Говорите, когда его тело вытащили из воды, на нем был медальон с фотографией мисс Фаррадей?

– Да, так утверждают те, кто его нашел.

– Тогда... по-моему, вам следует найти саму мисс Фаррадей и спросить, знает ли она этого человека.

– Прежде чем я последую вашему совету, что еще вы можете мне рассказать о семье Рассел? Может быть, где-нибудь неподалеку живут слуги, работавшие в доме? В Фарнэме, например...

– Слуг у них было немного. Экономка, конечно, несколько горничных... Кухарка... Пожилой лакей. Ах да, еще один молодой человек. Когда приезжали гости, он исполнял роль дворецкого, но в остальное время он работал шофером и повсюду возил миссис Рассел, когда она выезжала. Семья не очень ладила с местными жителями и чаще всего не общалась с ними. Лакей умер вскоре после исчезновения миссис Рассел. А кухарка переселилась к кому-то из своих родственников... Фамилия ее миссис Бродли. Я хорошо ее помню – она прекрасно готовила. Что стало с экономкой, миссис Даннер, я не знаю. Кажется, кто-то говорил, что она нашла работу где-то в центральных графствах. Харолд, шофер, первые несколько недель войны оставался в доме сторожем, но потом тоже записался добровольцем и ушел в армию. После этого в усадьбе никого не осталось.

– А горничные?

– Ах да, чуть не забыл. Нэнси вышла за Самьюэла Бразерса, сына местного фермера. Их хозяйство за Фарнэмом, недалеко. Другие девушки куда-то уехали.

– Скажите, как найти ту ферму?

– Вам надо проехать через Фарнэм; потом повернуть налево и больше никуда не сворачивать. Ферма Бразерсов будет второй.

Ратлидж поблагодарил священника и собрался уходить. Моррисон, как гостеприимный хозяин, проводил его. У двери он сказал:

– Надеюсь, вам удастся опознать этого несчастного с фотографии. Я буду молиться за него.

– Спасибо, преподобный.

Дверь закрылась, священник возвращался в алтарную часть, его шаги гулким эхом отдавались в пустом храме.

«Он был влюблен в девчонку, чье фото в том медальоне», – сказал Хэмиш, когда Ратлидж шагал по узкой полоске травы к своей машине.

«Кто, Моррисон?»

«Ну да, священник».

Ратлидж вспомнил грусть в глазах священника, когда он сказал, что Рассел охотно женился бы на Синтии Фаррадей. Рассел, конечно, больше подходил ей, чем сельский священник. Возможно, это объясняет, почему Моррисону трудно оказалось говорить о ней.

Он остановился, достал ручку и в тишине услышал шепоты в траве. Легко было представить себе людей, спрятанных в зарослях камыша; местами заросли оказались выше мужчины среднего роста. Ратлидж понял: здесь трудно найти кого-то даже в двадцати футах от того места, где стоишь. Вот почему поиски миссис Рассел шли с таким трудом.

Они поехали в сторону Фарнэма.

Кто же был тот человек, который явился к нему в кабинет, заявил, что он – Уайат Рассел, и признался в убийстве Джастина Фаулера? Более того, кто убил его самого через двенадцать дней? Связаны ли как-то два этих события? А может, в прошлом жертвы имелось что-то еще, приведшее его к смерти?

Хэмиш заметил: «Ответы на твои вопросы наверняка знает та девица из медальона».

«Да, вполне вероятно. Разыскать ее – еще одна непростая задача».

Внимательно глядя на дорогу, чтобы не пропустить поворот, о котором говорил Моррисон, он увидел его с левой стороны в трех четвертях мили от церкви. Повернул, проехал через Фарнэм, затем повернул прочь от устья реки к фермам и пастбищам, одержавшим победу над болотами. Хозяйства были небольшими, но с виду вполне процветающими. На лугах мирно паслись молочные коровы. Фермерам здесь хватало и зерна, и сена для кормов. Он видел зеленые ростки пшеницы на дальнем поле, которые шевелились от легкого морского бриза.

Найдя ферму Бразерсов, он повернул на ухабистую тропку, ведущую к дому. За домом располагались старый амбар и несколько хозяйственных построек.

Ратлидж постучал, но дверь никто не открыл. Выждав немного, он обошел дом с тыла и направился к двери черного хода. На заднем дворе он увидел женщину в черном платье, выдавшем лучшие дни. Она стояла в проволочном курятнике и насыпала корм для цыплят, которые толпились у ее ног. Когда Ратлидж показался из-за угла, она вскинула голову и смерила его настороженным взглядом.

К такому выражению у жителей долины реки Хокинг он уже начал привыкать.

Впрочем, женщина вполне вежливо спросила:

– Чем я могу помочь вам, сэр?

– Доброе утро. Моя фамилия Ратлидж. Я ищу миссис Бразерс.

– А на что она вам, когда вы ее найдете?

– Я ищу всех, кто знал семью, жившую в усадьбе «Берег». Священник церкви Святого Эдуарда, мистер Моррисон, сказал, что миссис Бразерс когда-то служила там горничной.

Кивнув, женщина опорожнила миску, которую держала на сгибе локтя, вышла из курятника и заперла за собой дверцу.

– Ну что ж, пойдемте на кухню.

Следом за ней он пошел по дорожке и каменным ступенькам, проложенным между грядками с лекарственными травами, цветами и овощами. Огородик вплотную примыкал к двери кухни. Ратлидж обратил внимание на то, что хозяйка тщательно ухаживает за садом и огородом. На грядках и клумбах все пышно росло и цвело, а почва между грядками тщательно выполота.

На кухне он отметил ту же опрятность. На столе лежала чистая, отутюженная скатерть; на раковине и шкафчиках не было ни пятнышка, как и на полу.

– Я Нэнси Бразерс, – представилась женщина, предлагая гостю стул и вставая перед широким буфетом. – А зачем вам понадобились те, кто служил в усадьбе?

– Пока еще не знаю, – ответил ей Ратлидж. – Я ищу женщину, чей снимок внутри этого медальона. – Он достал медальон из кармана и протянул Нэнси, держа за цепочку. – По моим сведениям, она, возможно, жила в усадьбе «Берег».

Миссис Бразерс не взяла медальон.

– Значит, вы юрист или полицейский? – спросила она.

Ратлидж сказал ей правду:

– Я из Скотленд-Ярда. Обычно мы не разыскиваем владельцев пропавшей собственности. Но в данном случае она может помочь нам в другом, довольно важном деле.

Миссис Бразерс взяла медальон, нашла застежку и открыла его.

– Ах!

– Вы узнаете ее? – спросил Ратлидж, видя, как пристально она смотрит на крошечную фотографию.

– Медальон... еще бы я его не узнала! – медленно ответила Нэнси Бразерс. – А я думала, что все осталось в прошлом!

– Что именно, как вы думали, осталось в прошлом?

Она вздохнула и повернулась лицом к окну.

– Место было не сказать чтобы приятное – прямо-таки нехорошее, – не сразу ответила она. – Я бы давно ушла, если бы было куда идти. Но ведь здесь у нас не Лондон и даже не Тилбери, где без труда можно устроиться к другим хозяевам.

Ратлидж задумался. Не выдумывала ли она отговорки, чтобы остаться на «нехорошем» месте? Может, она пытается обмануть – но кого? Его или себя саму?

– В каком смысле нехорошее?

Нэнси Бразерс глубоко вздохнула:

– Не люблю сплетничать о тех, кто выше по положению.

– Понимаю. Более того, ваши чувства похвальны, – осторожно ответил Ратлидж. – Но, видите ли, сейчас речь идет не о сплетнях. Полиция ведет расследование, и ваш долг – помочь представителям закона всеми возможными средствами. Если вам что-то известно, вы уж предоставьте специалистам решать, что важно, а что – нет.

– Медальон был на миссис Рассел в тот день, когда она пропала. Я точно знаю, потому что сама помогала ей надеть его и видела его в полдень в тот день, когда она пришла домой обедать. Медальон тогда еще был на ней.

– Что случилось с миссис Рассел? Удалось ли найти ее живой... или мертвой?

– Да ведь в том-то и странность. Она как будто исчезла бесследно. Сын видел ее в два часа; она спускалась к причалу. Никому и в голову не приходило, что с ней что-то случилось, до самого вечера, а потом я поднялась наверх, чтобы помочь ей переодеться к ужину... – Повернувшись, миссис Бразерс взяла с сушилки миску и переставила ее на полку. – Они, полицейские то есть, конечно, допросили нас всех. Интересовались, не тревожилась ли она из-за чего-то. Может, волновалась или боялась? Спрашивали, не питал ли кто-нибудь к ней враждебные чувства... Откровенно признаться, иногда с ней приходилось тяжело, но ведь миссис Рассел не молодела, а старики часто капризничают. По крайней мере, тогда она каза-

лась мне старухой, ведь я была совсем девчонка. Бывало, она подолгу возилась со своими волосами; хотела, чтобы они были такие же густые и красивые, как в то время, когда ей было восемнадцать. Или выговаривала мне за то, что, мол, пепел не выметен как положено, хотя я его выметала. Но ведь за такие мелочи не захочешь человеку зла, верно?

– Когда медальон в последний раз был на миссис Рассел, внутри находилась та же самая фотография, что и сейчас?

– Нет, другая, ее и ее покойного мужа. В день их свадьбы.

– Тогда откуда вы знаете, что медальон тот же самый?

– Да я ведь его тысячу раз трогала. Застегивала на шее, заправляла под прическу. Проверяла, не расстегнулся ли. Каждый вечер миссис Рассел его снимала, а каждое утро надевала. Даже если носила другие украшения, медальон всегда висел у нее на шее. – Нэнси Бразерс налила в чайник холодную воду. – А вы не скажете, как он у вас оказался? Значит, все-таки нашли ее труп? И кто вставил в него другую фотографию?

– Нет, мы не нашли миссис Рассел. Медальон сняли с другой шеи...

– Как он на ней оказался?

– Прежде чем я отвечу на ваш вопрос, скажите, пожалуйста, как звали ту женщину с фотографии.

Миссис Бразерс засыпала чай в заварочный чайник, а потом ткнула в медальон ложкой:

– Синтия Фаррадей. Она поселилась в доме миссис Рассел после смерти своих родителей.

– Что с ней стало?

– После того как миссис Рассел пропала, она переехала в Лондон. Сказала, что неприлично жить в доме одной, без компаньонки. Мистер Рассел делал ей предложение, но она ему отказала. Сказала, что хочет быть свободной и жить своей жизнью.

– Кто еще жил в доме – помимо прислуги?

– Мистер Джастин, конечно. Он тоже дальняя родня и тоже приехал жить в «Берег» – уже после мисс Синтии. Они-то, мистер Джастин и мисс Синтия, не состояли друг с другом в родстве. Мисс Синтия была родней со стороны Расселов, а мистер Джастин... Его и миссис Рассел бабушки были кузинами. Однажды я слышала, как кто-то говорил: мол, мать мистера Джастина умерла от чахотки. У нее были большие легкие. А про его отца я ничего не слыхала.

– Что случилось с мистером Фаулером?

– Он пошел на войну и, по-моему, не вернулся.

– Ясно... – Засвистел чайник, и миссис Бразерс повернулась, чтобы залить кипятку в заварку. Наблюдая за ней, Ратлидж спросил: – А что случилось с мистером Расселом?

Она помешала в чайнике, пристально глядя в него, и ответила:

– Я знаю только, что он вернулся с войны живым. Но не знаю, приезжал ли он сюда. «Берег» жалко. Дом был красивый. Вам бы взглянуть на него в то время, когда я там служила. У них, у Расселов то есть, денежки водились. Я еще тогда не могла понять, зачем им понадобилось строить дом там, на болотах. Ведь они могли поселиться где угодно.

Когда чай настоялся, Ратлидж сказал:

– Хочу показать вам одну фотографию. Снимок не из приятных, но, может быть, вы сумеете опознать изображенного на нем человека. – Он достал из кармана конверт из Грейвсенда, отогнул клапан и протянул конверт миссис Бразерс. Та робко заглянула внутрь и достала фотографию. Ратлидж заметил, как она поморщилась, когда глянула на нее.

– Он мертвый, да?

– Да. Его выловили из реки.

– Из Хокинга? – Нэнси живо перевела взгляд с фотографии на лицо Ратлиджа. – Муж мне не рассказывал, что из реки выловили труп.

– Нет, из Темзы. Вы его знаете?

– Он так сильно изменился, что сначала я его даже не узнала. Ведь когда я видела его в последний раз, он был молодым парнем, высоким, худым и очень вежливым, – медленно проговорила Нэнси Бразерс. – Я не очень часто навещала в Фарнэм, зато он пару раз заглядывал в «Берег». Он из деревни. Помню, что его отец был рыбаком. К сожалению, прошло столько времени, что я не помню его фамилию. – Нэнси отвернулась, и Ратлидж засунул фотографию в конверт.

– Вы помните еще что-нибудь о нем? – Заметив, что его собеседница замаялась, Ратлидж с надеждой спросил: – Может, он считался смутьяном... или о нем много сплетничали?

– Если и сплетничали, сейчас я уже ничего не помню, – ответила Нэнси. – Правда, мы не очень-то общались с деревенскими. Мы, кто служил в усадьбе «Берег», – она криво улыбнулась, – считали себя выше их. И вот как все обернулось – я сама вышла за деревенского, за фермера... Как говорится, никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь! И миссис Рассел очень не одобряла, если мы ходили в Фарнэм. В выходные дни, которые у нас были через неделю, она отпускала нас на целый день в Тилбери. Даже разрешала ездить туда на ее машине, а возил нас Харолд Финли. И просила нас только об одном: чтобы мы держались подальше от доков.

– Вы уверены, что человек с фотографии – не майор Рассел?

– Да что вы, уж мистера-то Рассела я где угодно узнала бы. Хотя и прошло много времени. Я ведь прослужила у них в доме горничной пятнадцать лет, до тех пор, пока не познакомилась с мистером Бразерсом. Да, я бы точно узнала его даже сегодня.

Пока Ратлидж беседовал с миссис Бразерс, Хэмиш помалкивал. Теперь он вставил замечание, застав Ратлиджа врасплох, миссис Бразерс как раз ставила на стол чайник, и Ратлидж быстро вскинул голову, совершенно уверенный в том, что она тоже слышала голос. Но она отвернулась и доставала из буфета две чашки и два блюда.

«Знаешь, – заметил Хэмиш, – твой покойник так хорошо знал усадьбу „Берег“ и всех, кто там работал... Убил его наверняка кто-то из них!»

Ратлиджу пришлось признать, что в рассуждениях Хэмиша имеется рациональное зерно.

– В каких отношениях были Фаулер и Рассел? Они хорошо ладили?

– Вполне, если не считать мисс Синтию. Из-за нее между ними кошка пробежала. И по-моему, она сама во всем виновата; сначала флиртвала с одним, а потом с другим. Правда, надо и ей отдать должное, с ее стороны все было несерьезно. Уверяю вас, такое заметно сразу. Ей никто из них не нравился, просто она любила, когда все обращали на нее внимание.

– Вам она не нравилась?

– Не могу сказать, что не нравилась, – ответила миссис Бразерс. – Уж так выйдет слишком резко, вам не кажется? Просто ее уловки на меня не действовали. Можете себе представить, она флиртвала даже с Харолдом Финли! Конечно, не так, как с мистером Расселом и мистером Джастином, но достаточно для того, чтобы Финли с нее глаз не сводил. А ведь так нечестно, правда? Зачем она его обнадеживала? Правда, Харолд Финли был, можно сказать, красавец мужчина, высокий, сильный и к тому же умный. Уж очень ей хотелось и его заполучить в свои сети!

Харолд Финли. Шофер, который при необходимости исполнял обязанности дворецкого...

– Как же она с ним флиртвала?

– Изобретала маленькие поручения, чтобы ему все время приходилось возить ее туда-сюда. В Тилбери, чтобы вернуть книгу в библиотеку при книжном магазине. В Фарнэм, чтобы найти ленту в тон шляпке. Однажды он возил ее даже в Лондон повидаться с приятельницей. Но миссис Рассел узнала обо всем и запретила ей ездить в Лондон. Не годится, чтобы незамужняя девушка ездила так далеко одна. Неразумно она поступила!

Лондон, гнездо порока...

– Да, наверное, – ответил Ратлидж.

– Вы, значит, не знаете, как тот человек нашел медальон миссис Рассел и почему вставил туда фотографию мисс Синтии?

– Нет, не знаю. Но, когда я найду мисс Фаррадей, надеюсь, она что-то прояснит.

– Да, она наверняка и вам начнет глазки строить, если я хорошо ее помню... и если она не изменилась. – Как будто поняв, что сказала больше, чем собиралась, миссис Бразерс добавила: – Хотя, справедливости ради, злой-то она не была, только живой, веселой. Иногда ее трудно было выносить.

– Вы, случайно, не поддерживали с ней отношения после того, как она покинула «Берег»?

– Здесь я ничем не могу вам помочь, уж извините. И где именно она поселилась в Лондоне, я понятия не имею. Она мне не сказала, а даже если бы и десять раз повторила, я бы все равно не запомнила. Ведь я ни разу не бывала в Лондоне. Слыхала я, что она стала жить в доме, который раньше принадлежал ее родителям, да что вам с того толку? Сейчас она, скорее всего, замужем и живет где-нибудь в другом месте.

Ратлидж допил чай, взял со стола медальон вместе с конвертом и поблагодарил миссис Бразерс.

– Вы так и не сказали, откуда у вас медальон миссис Рассел, – напомнила она.

Ратлидж понял, что должен сказать ей правду.

– Он был на шее у мертвеца, которого выловили из реки.

Переважив то, что сказал ей Ратлидж, миссис Бразерс спросила:

– Если медальон был у того человека... откуда он его взял? Может, знал, что случилось с миссис Рассел?

– К сожалению, не могу вам ответить, – сказал Рассел. – Но чуть раньше он сообщил в полицию, что Рассел когда-то убил Фаулера.

Миссис Бразерс пылко покачала головой:

– Не может быть! Не верю! Еще могу себе представить, чтобы мистер Рассел поколотил мистера Фаулера. Он, мистер Уайат, часто вымещал на нем гнев. Но чтобы убить? Нет.

– Но вы говорили, что между ними пробежала кошка из-за Синтии Фаррадей.

– Если бы каждый ревнивец начал убивать своего соперника, у вас работы было бы больше, чем у бобров в грозу! – возразила Нэнси Бразерс. – И вот что еще я вам скажу: на вашем месте я бы не стала доверять словам человека, который носил на шее медальон мертвой женщины.

От фермы Бразерсов Ратлидж вернулся в Фарнэм и оставил машину у гостиницы «Стрекоза». Здание оказалось довольно живописным по сравнению с соседними домами: впереди, в красивом палисаднике, пышно цвели штокрозы.

Он заметил, что народу на улице больше, чем в прошлый раз. Женщины шли за покупками, рыбаки возвращались с промысла, рабочие стояли у скобяной лавки, коротая время. Река, что виднелась за главной улицей, поблескивала на солнце. Наступило время прилива, и лодки покачивались на небольших волнах.

Ратлидж остановил первого же встречного, судя по грубой одежде, он занимался тяжелой физической работой, к ногтям его прилип цемент.

– Моя фамилия Ратлидж, – начал он, заранее достав фотографию из конверта. – И я ищу родственников вот этого человека. – Он протянул рабочему снимок.

Тот едва мазнул по нему взглядом. По его невыразительному лицу трудно было понять, о чем он думает.

– Не знаю такого. – Он отодвинул фотографию и зашагал прочь.

Ратлидж пошел дальше, увидел, что из скобяной лавки выходит человек с засовом в руке и придирчиво разглядывает покупку, как будто не очень доволен ею. Когда на его лицо упала тень, человек с засовом вскинул голову.

– Вы кто такой? – осведомился он, как будто Ратлидж свалился с луны.

Ратлидж узнал его – человека в вельветовых брюках и рабочей рубаше, который в прошлый раз подходил к нему на улице. Однако он не знал, помнит ли его местный житель. Он терпеливо повторил свой вопрос.

Человек оттолкнул протянутую руку.

– Никогда его раньше не видел! – отрывисто ответил он и зашагал прочь.

Ратлидж останавливал еще троих и встретил тот же недружелюбный отказ. Никто не желал узнавать мертвеца. И невозможно было понять, говорят они правду или нет.

Хэмиш посоветовал: «А ты спроси женщину».

Ратлиджу пока не хотелось показывать фотографию женщинам. Для миссис Бразерс пришлось сделать исключение, потому что она служила в усадьбе «Берег» и знала хозяев и других слуг в лицо.

Он дошел до конца главной улицы; оттуда дорога поворачивала в сторону ферм. Оглянувшись, он решил зайти в местное питейное заведение. Паб «Гребная шляпка» стоял на берегу реки; за ним виднелся крохотный заливчик, который как будто вгрызался в заросли камыша.

С одной стороны, не очень хотелось вести расспросы в пабе, потому что тогда о цели его приезда быстро станет известно всем. Ратлидж прекрасно понимал, что и люди, с которыми он уже беседовал, тоже могут оказаться разговорчивыми, но отчего-то ему казалось, что сплетничать они не станут. В пабе, где завсегдатаи болтают свободно, как члены «Женского института»,⁵ после его ухода непременно поползут слухи, а он предпочитал сам наблюдать за реакцией на свои слова. С другой стороны, ему нужно было узнать, кто же приходил к нему две недели назад и кого вытащили из Темзы в Грейвсенде. Старший суперинтендент Боулс надеется, что к вечеру все станет ясно. А Боулс не слушает никаких отговорок, даже если они весомые.

На вывеске, которая покачивалась на легком ветерке, изображались три гребца, которые усердно налегали на весла, ведя свое суденышко в открытое море.

Ратлидж вошел. В зале царил полумрак. Двое посетителей, сидевших за столиком, играли в криббидж. Еще один завсегдатай горбился за столиком в углу. Он ел толстый сэндвич и запивал, похоже, сидром. Окна в дальней части зала выходили на реку. Сбоку Ратлидж заметил лестницу, которая вела, как он решил, в погреб – а может быть, тоже к воде.

За стойкой, где тускло поблескивала медь и сияло отполированное временем и локтями нескольких поколений завсегдатаев дерево, стоял очень высокий и худой человек с редкими седыми волосами. Он выпрямился, увидев, что вошедший – не местный. Пока Ратлидж шел к стойке, трактирщик не сводил с него глаз, но не проронил ни слова. И глаза его не выдавали ничего, зато губы сжались в тонкую линию.

Когда Ратлидж подошел, трактирщик сразу же спросил:

– Вы ведь из полиции?

Посетители за двумя столиками живо развернулись к стойке.

– Моя фамилия Ратлидж, – начал инспектор, не считая нужным далее представляться. Положив на стойку фотографию, он повторил то, что уже говорил прежде: он разыскивает родственников этого человека.

– Они, что ли, наследство получают? – поинтересовался трактирщик.

– Не могу сказать, пока не найду их.

⁵ «Женский институт» – организация, объединяющая женщин, живущих в сельской местности.

– Отчего он умер?

– Его выловили из реки.

Бармен поднял брови, впервые выказав интерес.

– Из Хокинга?

– Неподалеку, – ответил Ратлидж. В конце концов, Темза протекает мимо Тилбери. С точки зрения расстояний в этой части Эссекса можно сказать, что труп выловили «неподалеку».

– Никогда его раньше не видел, – сказал, наконец, трактирщик.

– Вы давно владеете пабом?

Бармен ответил молчанием.

– По-моему, лет десять, а то и дольше, – продолжал Ратлидж. – Мне говорили, что мертвец когда-то жил в Фарнэме. По-моему, своих завсегдатаев вы должны узнавать хотя бы в лицо, если не по именам.

– Память у меня плохая, – ответил бармен и, повысив голос, позвал: – Эй ты, за угловым столиком!

Завсегдатай, который вернулся было к своему сэндвичу, поднял голову, вопросительно сдвинув кустистые брови.

– Я когда-нибудь называл тебя по имени? Завсегдатай замялся.

– Называл или нет?

– Нет. Никогда! – ответил наконец посетитель, поняв намек.

– Вот видите? – обратился трактирщик к Ратлиджу. – Ну а вы? – Он повернулся к игрокам в криббидж. – Может быть, я помню, какие у вас любимые напитки, когда вы являетесь?

Оба покачали головами, настороженно переводя взгляд с бармена на Ратлиджа и обратно.

– Так что извините, ничем не могу вам помочь, мистер Ратлидж или как вас там. Что есть, то есть. – Бармен ухмыльнулся, радуясь своей сообразительности.

– Тогда как вы догадались, что я не местный? – спросил Ратлидж.

Он застал бармена врасплох; ухмылка на его лице тут же увяла.

– Будь я местным, вы бы спросили, что я буду пить.

А вы сразу поняли, что я из полиции.

Бармен подтолкнул к нему фотографию.

– Никто вам здесь не поможет, – сухо сказал он. – Поищите где-нибудь в другом месте. Понятно?

– В Скотленд-Ярде не любят угроз. Я добьюсь того, что через день ваш паб закроют.

– Это еще почему? – возмутился трактирщик.

– На стойке пролитое пиво. Тарелки, на которых вы подали тем людям еду, плохо вымыты; к ним прилипли остатки пищи. И пол такой грязный, что, по-моему, еда в вашем заведении и здорового человека доведет до могилы. Начальник полиции графства с удовольствием послушает, в каком состоянии находится ваш паб. И поскольку едва ли ему самому захочется терять время и ехать в Фарнэм, он поверит мне на слово.

– На пушку берете! Вы не посмеете...

– Посмотрим, – холодно ответил Ратлидж и повернулся к двери, не обращая больше внимания на трактирщика, который выкрикивал ему в спину оскорбления.

Ратлидж почти добрался до двери, по-прежнему не оборачиваясь, когда Хэмиш вскричал: «Берегись!»

Он вовремя обернулся и увидел, что трактирщик догоняет его и замахивается деревянной дубинкой – наверняка он держал ее за стойкой на тот случай, если придется разнимать драчунов. Ратлидж меньшего и не ждал.

– Положи сейчас же, дурак! – рявкнул он. – Если убьешь меня, Скотленд-Ярду ты не помешаешь – сам знаешь.

Трактирщик остановился; в глазах его мелькнула нерешительность. Потом нерешительность сменилась яростью. Как видно, он непременно хотел довести дело до конца. В следующий миг Ратлидж толкнул его, прижал к стойке, вырвал у него дубинку и прижал к шее. Стиснув зубы, он обратился к остальным:

– Только попробуйте шевельнуться! Я ему шею сломаю!

Ножки стула загрохотали по полу; завсегдатаи поспешно расселись по местам.

– Ну вот, так-то лучше, – обратился Ратлидж к побагровевшему бармену, хватавшему воздух ртом, – сейчас я отойду, а вы спокойно сядете на стул и будете вести себя прилично. Понятно?

Хотя бармен едва мог шевелиться, он моргнул в знак согласия.

Не выпуская из рук дубинку, Ратлидж освободил своего пленника, и тот чуть не рухнул на колени. Опираясь одной рукой о стойку, он немного постоял, переводя дух, а затем, подойдя к ближайшему столику, тяжело опустился на стул.

Он посмотрел на Ратлиджа исподлобья – впрочем, уже без всякой ярости.

– Ну и стоило на меня бросаться? – спросил Ратлидж. – А теперь фотография... Как вас зовут? Только не говорите, что не помните своего имени!

– Барбер. Санди Барбер.

– Кто тот человек на фотографии?

Бармен не сразу хрипло ответил:

– Сын Уиллета... Младший сын старика.

– Кто такой Уиллет?

– Нед Уиллет, наш рыбак. Если он узнает, что его сын умер, ему самому крышка.

– Чем занимался его сын, когда жил дома?

– В том-то и штука, дома он не появлялся с тех пор, как кончилась война. Он служил в одном доме в Тетфорде... Он, Бен то есть, никогда не хотел быть рыбаком. Когда с Недом приключилась беда, Абигейл сразу написала брату, а Бен так и не откликнулся. Что ж... теперь мы хоть знаем почему. Слушайте, Неду совсем мало осталось жить. Пусть себе думает, что сына не отпускают со службы.

– Почему Уиллету недолго осталось жить? – спросил Ратлидж, вспомнив о том, что у Бена Уиллета был рак желудка.

– Несчастный случай... Вышел в море в шторм, ну и напоролся на рыболовный крючок. Ногу ему проткнуло, а потом рана воспалилась, началось заражение крови. Доктора хотели отнять ему ногу, только он и слышать ничего не желал. Вот упрямый старый осел! И теперь у него гангрена, и он может умереть в любой день. Видели бы вы его ногу – распухла и вся багровая, почти почернела. Даже на ногу уже не похоже... – Дернув подбородком в сторону конверта, который Ратлидж бросил на стойку, бармен спросил: – Ну а с Беном-то что случилось? Вы сказали, его выловили из реки.

– Кто-то выстрелил ему в затылок. А потом столкнул в воду.

Все присутствующие оцепенели от ужаса. Три завсегдатая беспокойно заерзали на своих местах.

Трактирщик покачал головой:

– Дела... Значит, теперь сынок с папашей встретятся уже на том свете, верно? – добавил он, немного помолчав.

– А вам кем Уиллет доводится? Почему вы всеми доступными способами пытались мне помешать?

– Моя жена Абигейл – его единственная дочь. Кому понадобилось убивать Бена? Мы никогда не слыхали, чтобы у него были враги. Нос он, правда, здорово задирает, что было, то было, но никто из наших на него зла как будто не держал.

– Нелегко зарабатывать себе на хлеб рыболовством... Жители Фарнэма не злились на Бена Уиллета за то, что он сбежал и захотел жить по-другому? Возможно, захотел лучшей доли?

– Нед, конечно, не радовался, – мрачно ответил Барбер. – А насчет того, не злился ли кто другой... нет, не слыхал.

Подал голос пожилой завсегдатай, сидевший за столиком один:

– В начале войны, перед тем как его отправили во Францию, ему дали отпуск, и он приезжал домой похвастаться своей формой. Мы все были рады его видеть. Я помню. Моей дочке он нравился, да только ничего из этого все равно не вышло.

– Вы сказали, он задирает нос. Что вы имеете в виду?

– Водил компанию с теми, кто побогаче. Сам говорил, что мог бы легко сойти и за герцога, если бы захотел. Однажды он насмешил Абигейл до слез – уж очень здорово умел представлять. Рассказывал про семью, в которой служил, да так живо, в лицах, за каждого. С ним никакого театра не надо было... – Вспомнив, что говорит об умершем, Барбер посерьезнел и заключил: – Да, Бен – он такой был.

Ратлидж вспомнил человека, который приходил к нему в кабинет и выдавал себя за другого, за джентльмена. Он так хорошо играл, что обманул даже инспектора Скотленд-Ярда. Правда, тогда у него, Ратлиджа, не было причин сомневаться в личности своего гостя. Зачем человеку признаваться в убийстве, которого он не совершил?

А может, как раз совершал?

Снова достав фотографию, Ратлидж спросил:

– Вы совершенно уверены, что этот человек – Бен Уиллет?

– Вы их спросите. – Барбер жестом указал на посетителей.

Так Ратлидж и поступил; он показал фотографию каждому из трех завсегдатаев по очереди. Хотя те мерили его недружелюбными взглядами, в их глазах Ратлидж прочел узнавание и уверенность.

Выйдя в центр зала, он сказал:

– А теперь скажите, кто из вас знал Уайата Рассела?

Наступило молчание. Один из игроков в криббидж, наконец, нехотя ответил:

– Знать – знали, а вот знакомство не водили. До войны он жил в усадьбе «Берег».

– Бен Уиллет был хорошо с ним знаком?

– Вряд ли они разговаривали больше одного-двух раз, – ответил Барбер. – Расселы презирали нас, всех, кто жил в Фарнэме. Вся их семейка... – Он как будто собирался добавить что-то еще, но передумал.

– Мне говорили, что жители Фарнэма помогали в розысках миссис Рассел, когда она пропала.

– Да ведь это полицейские приказали нам прочесать болото, – ответил пожилой посетитель. – Они, а не Расселы.

– Ну а что вы можете сказать о Джастине Фаулере?

Пожилой завсегдатай поерзал на стуле, но, когда Ратлидж повернулся к нему, сказал только:

– Имя его я слыхал, а лицо вряд ли вспомню.

– Он тоже почти никогда не появлялся в Фарнэме, – сказал Барбер. – От «Берега» легче было ехать на запад, чем на восток. А у нас им ничего не было нужно, и ходить в деревню они не любили.

– Но ведь кто-то время от времени продавал им рыбу, – предположил Ратлидж, вспомнив слова Нэнси Бразерс.

– Нед приносил улов кухарке, миссис Бродли. И расплачивалась с ним она. Сомневаюсь, чтобы он видел миссис Рассел больше пяти раз за год.

– Однажды она приехала его поблагодарить, – вспомнил одинокий посетитель паба. – Надо отдать ей должное.

– Кто-нибудь из вас знает, что случилось с Уайатом Расселом или Джастином Фаулером?

Барбер отозвался не сразу:

– Они оба ушли на войну, ведь так? После войны дом не открывали. Значит, они не вернулись.

Впрочем, Ратлидж не был уверен, что трактирщик говорит правду. Когда он повернулся к другим посетителям паба, заметил, что те отводят взгляды в сторону и смотрят на реку.

Он сказал:

– Мне бы хотелось побеседовать с миссис Барбер. Она наверняка больше помнит то время, когда ее брат еще жил дома – до того, как пошел в услужение, а потом в армию. Где мне ее найти?

– Слушайте! Не смейте показывать моей жене фотографию! Как-никак покойник – ее родной брат! – Барбер вскочил с места. – И потом, как ей утаить новость от отца, я вас спрашиваю?

– Тогда давайте договоримся. Придумайте, как мне поговорить с миссис Барбер, а уж я проведу разговор так, чтобы она... пока... ничего не узнала о судьбе брата.

Барбер бросил на него мрачный взгляд:

– Даете мне слово?

– Даю.

Барбер повернулся к завсегдатаям:

– Я ухожу. Если хоть одно слово из того, о чем здесь говорилось, выйдет за пределы этого зала, будете иметь дело со мной. Все ясно?

Все трое торопливо закивали в знак согласия. Барбер обернулся к Ратлиджу и бросил:

– Пойдемте со мной.

От «Гребной шлюпки» они повернули налево, в переулок, застроенный более старыми домами. Барбер остановился у последнего дома в ряду, почти неотличимого от соседних.

– Так не забудьте, вы слово дали, – напомнил он перед тем, как отодвинуть засов и распахнуть дверь.

Ратлидж кивнул.

В гостиной оказалось на удивление уютно. Мебель была старой, но хорошо отполированной; стулья и диван обтянуты выцветшей темно-красной материей. На полу лежал тонкий ковер с завитушками синего, красного и кремового цветов. Ковер казался здесь не совсем уместным, но придавал комнате вид потертого изыска. Ратлидж невольно подумал: уж не из «Берега» ли он. Солнце высветило подставку для растений; на подставке в синем глазурированном горшке пышно цвел папоротник. Ратлиджу он показался французским.

Барбер оставил Ратлиджа стоять в гостиной, а сам пошел за женой.

Через несколько минут он вернулся в сопровождении невысокой, пухленькой женщины. Ее зеленые глаза на красивом бледном лице были обведены темными кругами. Судя по всему, она давно уже не высыпалась.

– Мистер Ратлидж, – произнес Барбер, – я сказал Абигейл, что вы разыскиваете всех, кто знал хозяев «Берега».

– Я их почти и не знала, – произнесла его жена, словно извиняясь. – И не знаю, зачем вам понадобилось беседовать со мной.

– Я хватаюсь за соломинки, – объяснил Ратлидж, улыбнувшись, и Абигейл как будто немного успокоилась. – А вы были знакомы с мистером Расселом или его матерью?

– Если мы встречались – например, в лавке, – то здоровались, конечно, вот и все. Не настолько мы были хорошо знакомы, чтобы разговаривать. Да они и нечасто выбирались в Фарнэм.

– Пожалуйста, опишите их внешность, – попросил Ратлидж и, заметив удивление Абигейл, пояснил: – Насколько мне известно, их фотографий не сохранилось.

– Да что вы... даже в доме? – Она робко предложила гостю есть и спросила: – Да в чем же дело?

Санди Барбер, стоявший за спиной у жены, бросил на него угрожающий взгляд.

– Увы, дом закрыт. – Ратлидж вспомнил, как его отец беседовал с клиентами. Джон Ратлидж считался очень хорошим адвокатом, умевшим скрывать острый ум за непринужденными манерами. – А меня привели сюда юридические дела, – продолжал он. – Они связаны с одной вещью, которую недавно нашли. И оказалось, что мы не знаем, кому ее вернуть.

Осмелев, миссис Барбер сказала:

– Ну, тогда ладно. Мистер Рассел был высокий и светловолосый. И держался очень приветливо. Если встречал нас с мамой на улице или в лавке, притрагивался к шляпе и говорил: «Добрый день, дамы», когда проходил мимо. Мама всегда хвалила его за хорошие манеры. И все-таки он был не из тех, кто остановится, спросит о детях, если кто болеет, или поинтересуется, как состояние отцовской лодки после шторма. Ну а миссис Рассел... та заговаривала с мамой, если встречала ее в магазине. Она и отца нашего знала, иногда он возил рыбу миссис Бродли, кухарке из «Берега». После миссис Рассел, бывало, говорила ему при встрече: «Вот славная была камбала. Спасибо, Нед, что не забываете нас». Грустно, что она вот так пропала.

Ратлидж поймал на себе многозначительный взгляд Барбера. Владелец паба старался создать впечатление, что семья Рассел почти не зналась с Уиллетами. Почему?

– Что у вас говорили после того, как она пропала? Как по-вашему, что с ней случилось?

– Мы думали, что она утопилась. А что еще можно было предположить? В последний раз ее видели, когда она спускалась к воде.

– Люди не топят без причины, – тихо ответил Ратлидж. – Миссис Рассел была... несчастна?

– Не то чтобы несчастна, – ответила Абигейл Барбер, наморщив лоб. – Правда, помню, мама говорила: она последнее время как будто сама не своя, как будто ее что-то гнетет. Тогда все только и говорили, что будет война, а у ее сына и мистера Фаулера как раз возраст был подходящий.

– Насколько я понимаю, у вас были братья – примерно ровесники мистера Рассела. Они когда-нибудь проводили вместе время – может, ходили по реке на лодке?

Абигейл искренне рассмеялась и даже порозовела:

– Да что вы, мистер Ратлидж! Не могло такого быть, и все тут. Правда, Бен присматривался к тому, как мистер Рассел одевается. Он мечтал поступить куда-нибудь на службу лакеем, а со временем и стать камердинером. Пару раз он наведывался в «Берег» вместе с отцом, а по возвращении, бывало, говорил: «Интересно, чем он чистит туфли?» или «Он, должно быть, сегодня одевался второпях. Спинка его сюртука не выглажена как следует». И голосам их он тоже здорово умел подражать. У него все получалось как будто само собой.

– В самом деле? Может, он надеялся, что Расселы возьмут его к себе на службу?

– Нет, что вы, сэр, он и не думал устраиваться в «Берег». Бен говорил: лучше он поедет туда, где его никто не знает. Но то, чему он выучился, поможет ему вписаться – вот его подлинные слова. – Абигейл покосилась через плечо на мужа. – Здесь-то он был рыбацким сыном, а в другом месте, как он думал, может стать кем угодно.

Оказывается, Бен Уиллет был тщеславным.

– Как ваш отец отнесся к его желанию пойти в услужение?

– Бен ведь был не единственным сыном. Другие братья пошли по стопам отца... Еще до войны. Томми и Джозеф не вернулись из Франции. Но Бен всегда был у отца любимчиком; по-моему, отцу жаль было, что Бену не хочется ходить на промысел.

– Вы знали Джастина Фаулера?

Абигейл Барбер покачала головой.

– Он, кажется, доводился Расселам родней... Но я его никогда не видела. В Фарнэме он не показывался. Мы между собой решили, что он сноб.

– Имеется ли кровное родство между Расселом и Фаулером?

– Чего не знаю, того не знаю, сэр...

Откуда-то из задней комнаты послышался слабый голос, звавший Абигейл.

– Отец. – Она быстро встала. – Плохо ему!

Ратлидж тоже встал.

– Еще один вопрос. Мисс Фарадей, случайно, не навевывалась к вам в деревню?

Абигейл сразу как будто застыла.

– Да, я знаю, о ком вы говорите. Если хотите знать, она ни одного парня не пропускала, а на нас и внимания не обращала.

– Вы имеете в виду кого-то в особенности? – спросил Ратлидж.

– Один или два раза я видела, как она разговаривала с Беном. А он потом уверял – ничего, мол, подобного.

Абигейл извинилась и поспешила на свою вахту у постели больного. Ратлидж сказал:

– Спасибо. Миссис Барбер мне очень помогла.

– Правда? – отозвался Барбер, провожая его к двери. У порога он понизил голос: – А по-моему, вы сейчас немногим больше знаете о Бене, чем знали до того. Я же говорил вам, расспрашивать мою жену без толку.

– Да... возможно, я не ближе к тому, чтобы найти его убийцу.

– Тогда зачем вам все это понадобилось? – полушепотом поинтересовался Барбер.

– Я несколько раз поймал вас на лжи.

– На какой еще лжи?

Но Ратлидж не ответил. В неловком молчании они вернулись к тому месту, где он оставил машину.

Ратлидж понял, что пробыл в Эссексе дольше, чем намеревался. Он пустился в обратный путь в Лондон. На выезде из Фарнэма он испытал облегчение, когда деревня исчезла в зеркале заднего вида, скрылась в маленьком прямоугольнике стекла.

На войне его много раз выручало чутье, шестое чувство, которое неоднократно сохраняло ему жизнь, чего он, как сам считал, не заслуживал. Чутье, как ни странно, осталось с ним и после того, как он вернулся на службу в полицию.

В Фарнэме что-то было не так. Дело не только в убийстве Бена Уиллета. Что-то темное, мрачное как будто въелось в самые кирпичи и раствор тамошних домов. Франс тоже что-то почувствовала; она призналась, что ей не по себе от шепота травы. Ратлидж подумал: если в самом деле существует такое понятие, как коллективная совесть, у жителей Фарнэма она нечиста.

Барбер хочет оградить от неприятностей свою жену и ее родню, что вполне понятно. Но легкий переход от простой грубости к желанию убить едва ли можно назвать обычным. Дубинкой, которую отобрал у Барбера Ратлидж, вполне можно разбить человеку голову. К тому же окна с тыльной стороны зала выходят на реку. Совсем нетрудно избавиться от неже-

лательного трупа! Узкое устье реки примерно в четверти мили от деревни; мелей там почти нет, а течение быстрое. Труп наверняка унесет в море...

Больше всего его поражала уверенность Барбера в том, что его завсегдатаи будут держать языки за зубами, даже если ему придется убить незваного гостя!

Хэмиш сказал: «Если твоего покойника прикончил кто-то из тамошних, ты ни за что его не найдешь».

И Ратлидж вполне с ним согласился.

Что бы ни связывало так прочно жителей деревни, Бен Уиллет оттуда сбежал. Неужели именно за побег его наказали, хотя прошло столько лет? Верится с трудом... Что же Бен Уиллет натворил в последние несколько месяцев своей жизни? За что его объявили вне закона?

И что теперь делать с тем, что обнаруженное в Грейвсенде тело принадлежит не Расселу?

Почему Бен Уиллет, признаваясь в убийстве, выдал себя за другого?

Может быть, именно признание поставило Уиллета вне закона? Может быть, угрызения совести побудили его привлечь к убийству внимание Скотленд-Ярда единственным доступным ему способом?

Значит, теперь ему необходимо сделать следующий шаг – найти майора Уайата Рассела. Интересно, что он скажет?

Глава 6

Увидев впереди ворота «Берега» с ананасами наверху, сулящими гостеприимство, которое осталось далеко в прошлом, Ратлидж, хотя и опаздывал, остановил машину и вышел.

В прошлый раз он приезжал сюда совсем с другим настроением. Тогда он считал, что дом принадлежит убийце, который добровольно признался в своем преступлении. По крайней мере, его гость на том настаивал. Если учесть, что человек, выдававший себя за Уайата Рассела, очень не хотел рассказывать подробности совершенного когда-то преступления, труп убитого по-прежнему мог находиться где-то здесь.

Когда Ратлидж приезжал сюда с сестрой, он решил, что достаточно лишь бегло осмотреть дом и парк. В тот день Ратлидж заметил, что оба берега реки, в том числе и там, где кончается ровная лужайка, заболочены. Ему показалось тогда, что он вполне понимает чувства владельцев. Возможно, они не возвращаются сюда потому, что «Берег» пробуждает в них неприятные воспоминания.

Теперь, пробираясь по длинной, заросшей подъездной дорожке и обходя дом с тыла, к берегу реки, Ратлидж имел более ясное представление о людях, которые когда-то здесь жили.

Выйдя на террасу, он посмотрел на реку. На поверхности воды злорадно, как ему показалось, плясали солнечные блики. В теплый августовский день, когда на горизонте собирались тучи войны, угрожавшей отобрать у нее сына, как другая война отняла мужа, миссис Рассел спустилась с террасы по пологим ступенькам на лужайку и пошла к реке.

Что погнало ее туда – тревога за сына? Неужели она так сильно волновалась, что решила покончить с собой?

Как бы там ни было, миссис Рассел пропала без вести. Полицейские закрыли дело. А если следствие велось не слишком тщательно? Возможно, следователь из Тилбери услышал лишь то, что хотел услышать. А поскольку доказательств противного не нашлось, пришлось остановиться на наименее вероятном объяснении...

Впрочем, сын миссис Рассел не оспаривал вердикт и не попросил начальника полиции графства обратиться за помощью в Скотленд-Ярд.

Было бы проще, если бы фальшивый Уайат Рассел признался в убийстве матери, а не Джастина Фаулера.

Отсюда вытекает еще один вопрос: способна ли была Элизабет Рассел покончить с собой, бросив троих детей, за которых она когда-то благодарила Господа?

Подозревать здесь убийство как будто не было оснований.

Если, конечно, Уайат Рассел не узнал почти год спустя, что Фаулер убил его мать, а труп спрятал.

Допустим, так все и было. Но тогда откуда у Бена Уиллета оказался медальон миссис Рассел?

Глядя, как река молча и быстро несет свои воды в Северное море, Ратлидж вдруг подумал о другом. Почему, когда пропала миссис Рассел, ее родственники обратились в полицию в Тилбери? Ведь отсюда до Тилбери больше часа езды. Кстати, не сам Уайат Рассел, а представители полиции Тилбери обратились за помощью к жителям Фарнэма.

Ни в прошлый свой приезд сюда, ни теперь Ратлидж не заметил в деревне ни констебля, патрулирующего улицу, ни полицейского участка. Сам он не стал разыскивать местного представителя закона, потому что следствие только началось. Кроме того, Уиллета убили в Лондоне, а не здесь. Но ведь должен быть в деревне констебль? Наверняка...

Его раздумья прервал сердитый женский голос; Хэмиш велел ему быть осторожным.

– Вы что здесь делаете? Это частная собственность! – Женщина быстро вышла из застекленных дверей у него за спиной. Едва повернувшись, Ратлидж сразу узнал ее, хотя выражение на живом лице сильно отличалось от лица на фотографии в медальоне.

– Мисс Фаррадей, полагаю? – любезно осведомился он.

Женщина остолбенела, словно превратилась в мраморную статую.

– Кто вы такой? – настороженно и холодно спросила она.

– Моя фамилия Ратлидж, – ответил он. – Кстати, я могу задать вам тот же самый вопрос. Что вы здесь делаете? Насколько мне известно, прежний владелец не передавал вам усадьбу во владение.

Он стрелял наугад, однако попал в цель.

– Вы – поверенный Уайата? – сухо осведомилась его собеседница.

– В данный момент я представляю его интересы, – уклончиво ответил Ратлидж, разглядывая Синтию Фаррадей.

Она оказалась весьма привлекательной и более одухотворенной, чем на фотографии. Конечно, прошло время, и она сильно изменилась. Изменилась не только внешне. В ней угадывалась зрелость, которой не было шесть лет назад. Хорошенькая девушка превратилась в очень самоуверенную молодую женщину.

– Я собираюсь купить усадьбу. Она продается? – спросила Синтия Фаррадей. – Вы ведь поэтому сюда приехали?

– Сомневаюсь, что вам по карману купить усадьбу – даже в ее теперешнем плачевном состоянии – и содержать ее.

Синтия вспыхнула и надменно ответила:

– Я получила наследство. Если не верите мне, можете поговорить с моими адвокатами!

– Как вы сюда добрались? Я не заметил у ворот ни машины, ни экипажа.

– Приплыла на лодке.

Ратлидж бросил многозначительный взгляд в сторону причала. Никакой лодки там не было.

– Это моторная лодка, я арендовала ее выше по течению. Она пришвартована в таком месте, которое не видно отсюда. – Заметив его недоверчивый взгляд, Синтия пояснила: – Неподалеку есть еще один причал.

– Так сказать, служебный – для доставки товаров?

К его удивлению, она рассмеялась:

– Собственно говоря, да. Тот Рассел, который построил «Берег», не желал видеть, как провизию, уголь и прочие товары тащат по его лужайке, которую он с таким трудом отвоевал у болота. Тропинка от причала ведет прямо на кухню. А вы что же, приезжаете сюда раз в две недели, чтобы проверить, все ли в порядке? Когда я побывала здесь в последний раз, я заметила, что кто-то ходил по дорожке. Трава была примята, а ветки кое-где сломаны.

– Вы часто бываете здесь?

– Когда появляется настроение, – вызывающе ответила Синтия Фаррадей.

– Как вы попали в дом?

– Когда я уезжала, никто не велел мне отдать ключ.

– Когда вы покинули «Берег»?

– До войны, – уклончиво ответила она.

– Почему вы отсюда уехали?

Она задумалась; в ее глазах появилось выражение, какое бывает, когда кто-то вглядывается в давнее и суровое прошлое.

– Какой интересный вопрос! Наверное, я уехала потому, что решила, что так будет правильно.

– В самом деле?

– Сегодня очень славный день. Вы не вынесете сюда два стула? Мы посидим на террасе и полюбуемся видом. К сожалению, никто не подаст нам чаю. Что ж, не важно. Должна предупредить вас, я обещала вернуть моторную лодку не позже пяти часов.

Выполняя ее просьбу, Ратлидж впервые вошел в дом.

Комната за застекленными дверями оказалась просторной; противоположную от окон стену украшал большой мраморный камин, а высокий потолок – алебастровые розы в орнаменте из цветочных венков; узор на обоях изображал лимоны на шпалерах и плетистые розы. Стулья и диваны, насколько Ратлидж видел через закрывающие их чехлы от пыли, были обтянуты светло-зеленой и бледно-желтой материей. Комната производила умиротворяющее впечатление. Она походила на садик внутри дома, созданный ради удовольствия женщины.

Увидев два подходящих стула, он снял с них чехлы и вынес на террасу.

Синтия Фаррадей стояла на том месте, где он ее оставил, и смотрела на реку.

Она обернулась, когда Ратлидж поставил рядом с ней стул. Улыбнувшись, она села и вытянула перед собой ноги, обутые в сапожки.

– Божественно! – воскликнула она, когда Ратлидж сел на другой стул. – Всегда любила сидеть на террасе. Тетя Элизабет... то есть миссис Рассел... бывала в зимнем саду чаще, чем в других комнатах, и я вполне ее понимаю. Зимний сад и терраса очень хорошо сочетаются, вы не находите? Я провела там много счастливых часов.

– Когда вы приехали сегодня? – спросил Ратлидж.

– После полудня. Кстати, я забыла пообедать и не подумала захватить с собой сэндвичи.

– И долго вы намерены тут пробывать?

– Не очень. Сами видите, мне не хватило храбрости войти в дом и вынести оттуда стул. Показалось, что трогать мебель будет... как-то неправильно. Как будто она спит.

– Вы, кажется, жили здесь в детстве... Что вам запомнилось ярче всего?

– Для адвоката вы очень любопытны. Но раз уж вы оказались настолько любезны и принесли нам стулья, я отвечу на ваш вопрос. Помню, что большей частью я бывала здесь счастлива. Конечно, вначале я ужасно скучала по родителям. Уайат как мог старался меня развлечь – по доброте душевной. Он знал, как сильно я горевала. А вскоре сюда приехал еще один кузен – Уайата, не мой – и мы втроем провели вместе несколько приятных лет. А потом мы выросли, и все сразу изменилось. – Голос ее сделался печальным.

– Что с ними случилось?

– Вы же адвокат, вот вы мне и скажите.

– Джастин после войны не вернулся сюда. А Рассел женился и почти сразу потерял и жену, и ребенка. Но, овдовев, он все равно продолжал любить вас. – Последние слова были лишь догадкой; Ратлидж вспомнил, что говорила ему Нэнси Бразерс. Впрочем, он сразу понял, что его слова попали в точку.

Синтия Фаррадей неловко поерзала на стуле.

– Вы слишком много знаете. Вы что же, шпионите за нами?

– Нет, что вы. Просто дополняю деталями сухие факты. Как вы ладили с миссис Рассел?

– Сначала я ей понравилась. Я была несчастным ребенком, которого нужно было опекать, и она обращалась со мной, как с дочерью. Я привязалась к ней; приятно было снова обрести дом. Когда умерли родители и все сразу изменилось, я очень растерялась. Мне не позволили остаться в лондонском доме, где я чувствовала себя в безопасности и все было знакомым. Мне сказали, что лучше будет, если я поживу у незнакомых людей.

– Кто вам сказал?

– Поверенные моего отца. Очень назойливые старикашки – ну, в то время они казались мне старикашками – постоянно твердили, что именно этого хотели бы мои родители. А мне казалось, что мама с папой, наоборот, ничего подобного бы мне не посоветовали.

– Вы сказали, что бывали здесь счастливы «большой частью»...

– Сначала мы дружили втроем, с Уайатом и Джастином. Наша дружба, наверное, помогла мне исцелиться, и я думала, что так будет всегда. Но мы выросли, как вырастают все дети, и Уайату показалось, что он влюбился в меня. К сожалению, я не была влюблена в него. Тетя Элизабет его поощряла. По крайней мере, мне так казалось. Тогда я была еще так молода, что не понимала, что ей на самом деле хотелось бы удержать меня в семье. Я думала, что она сводит нас вместе ради него, но сама ничего подобного не хотела. Наверное, я была не слишком покладистым ребенком.

– Все логично, не так ли? Миссис Рассел хорошо вас знала; вы должны были после совершеннолетия получить наследство покойных родителей. Иными словами, вы по всем статьям были прекрасной партией для Рассела – и с общественной, и с финансовой точек зрения. Кроме того, вы с ним уже были друзьями. Видимо, миссис Рассел приятно было думать, что «Берег» попадет в хорошие руки и в следующем поколении. Ее сын мог бы сделать и худший выбор.

Синтия глубоко вздохнула:

– Так оно и вышло. Никто из нас не пожелал бы видеть хозяйкой усадьбы женщину, на которой он женился. Во-первых, она терпеть не могла болота. Джастин рассказывал, когда Уайат привез невесту посмотреть «Берег», она отказалась даже ночевать здесь. Хотя с ней приезжала ее сестра. Кроме того, она считала, что глупо содержать загородный дом вместе с прислугой и всем прочим, когда можно жить и в Лондоне.

– Тогда зачем Рассел на ней женился?

– На самом деле я не знаю. Если только не предположить, что он влюбился в нее по уши... Наверное, ему хотелось, чтобы у «Берега» был наследник. А ей ужасно хотелось выйти за военного, чтобы на свадьбе были молодые люди в форме, скрещенные мечи и тому подобное, а супруг вскоре после венчания отправился сражаться за короля и отчизну. Она сама признавалась, что военная свадьба кажется ей волнующей до слез. Я сказала Уайату, что он мог бы обыскать всю Англию и не найти другую такую эгоистку.

– Вам не кажется, что ваше замечание было не слишком добрым?

Синтия пожала плечами:

– Я сказала ему правду. Сказала, что его мать пришла бы в ужас. В последний раз мы с ним разговаривали за день до его свадьбы. С тех пор я его больше не видела.

– Тогда почему вы хотите купить «Берег»?

– Потому что усадьба пустует. Мне невыносимо смотреть, как разрушается дом. По моему, я могла бы здесь жить. Для меня здесь нет никаких привидений.

Но приходскому священнику она сказала нечто совсем другое.

– Как по-вашему, что случилось с миссис Рассел?

– Не знаю. Тогда мне казалось, что это я во всем виновата, что я разочаровала ее и она таким образом хочет меня наказать. По молодости я не понимала, что, возможно, дело не имеет ко мне никакого отношения – ни ко мне, ни к нашим отношениям с Уайатом и Джастином. Уайат влюбился в меня, а Джастин злился на него за то, что он испортил нашу дружбу. Я слышала, как он говорил Уайату, что ненавидит его. Конечно, он его не ненавидел. Не на самом деле. Помню, я призналась одному человеку: как жаль, что я не мальчик. Тогда не случилось бы ничего из того, что случилось потом.

– Одному человеку? Кто же был вашим поверенным?

– Не ваше дело, – отрезала она, видимо пожалев, что слишком многое о себе рассказала.

– Случайно, не жителю Фарнэма по имени Бен Уиллет? – Произнося это, Ратлидж смотрел своей собеседнице в глаза, и ему показалось, что он снова попал в яблочко.

Но она покачала головой и ответила уклончиво:

– Я не слишком хорошо была знакома с жителями Фарнэма. В деревню выбиралась изредка, в лавку, чтобы купить самое необходимое, не совершая долгой поездки в Лондон. Кое-что, конечно, можно было заказывать по почте; товары доставляли прямо в «Берег», но тогда я лишалась удовольствия выбирать.

– Вам известно, что Бен Уиллет потом стал лакеем в Тетфорде?

– В самом деле? И нравилось ему там?

Услышав ее ответ, Ратлидж улыбнулся про себя. «А ведь Уиллет знал тебя, красавица, и носил на шее твою фотографию до самой смерти. Остается выяснить, как к нему попал медальон?»

Некоторое время они сидели молча; Ратлидж обдумывал все, что ему сказала Синтия. Их случайная встреча сэкономила ему много времени. Теперь не придется искать ее в Лондоне. Однако встреча с Синтией Фаррадей никак не объясняла, что произошло с Беном Уиллетом, а также, если уж на то пошло, с Уайатом Расселом.

– Как по-вашему, удастся мне купить «Берег»? – спросила Синтия, глядя Ратлиджу в глаза. – Не бойтесь, об усадьбе я позабочусь. Не допущу, чтобы дом разрушался.

– Понятия не имею, как к вашему предложению отнесется мистер Рассел.

– Но вы его спросите?

– Думаю, будет лучше, если просьба будет исходить от вас.

– Вы сильно заблуждаетесь! – Синтия улыбнулась – правда, несколько криво, словно показывая, как неприятно ей в этом сознаваться.

Ратлидж встал. Ей все равно скоро уезжать, да и он уже опоздал в Лондон.

– Допустим, он согласится продать «Берег». Как ему вас найти?

– Передайте, что я сама его найду.

– Возможно, он предпочтет связаться с вами лично.

– Моя жизнь принадлежит только мне. Если он захочет меня найти, передайте, пусть обратится к моим адвокатам.

В последовавшей тишине Хэмиш спросил: «Что за тип дал ей напрокат моторную лодку?»

– Мне внести стулья в дом или вы хотите еще немного посидеть на террасе?

– Я сама все закрою, – ответила Синтия. Она задумчиво смотрела на реку, как будто видела перед собой прошлое.

– Я должен спросить вас еще кое о чем... Осталось ли в доме ценное имущество, которое стоит украсть?

На сей раз она улыбнулась почти весело:

– Разве вы мне не доверяете?

– И тем не менее... – Ратлидж не закончил фразу.

– Ценности отсюда давно увезли. И картины, и украшения, и столовое серебро... Наверное, все хранится где-то в Лондоне. Продав то, что осталось, я бы не нажила себе состояния. Но здесь все такое милое и родное... если бы я могла, мне бы хотелось это сохранить.

– Что случилось с медальоном, который миссис Рассел постоянно носила на шее?

Синтия медленно повернулась и посмотрела ему в глаза.

– Если ее нашли... или ее тело... медальон, наверное, на ней. Не помню, видела ли я ее когда-нибудь без медальона.

Ратлидж кивнул и спустился по пологим ступеням на лужайку. Оттуда он, не оглядываясь, зашагал к подъездной дорожке.

Он не стал разубеждать Синтию в том, что он – не поверенный семьи Рассел. Она даже не поняла, что он – полицейский! Вначале ему захотелось вернуться и исправить это впечатление. Но потом он решил, что сейчас не время настораживать ее.

Если ей нечего скрывать, значит, от его уловки нет никакого вреда.

Глава 7

Хэмиш, подавший голос лишь однажды после того, как мисс Фаррадей вышла на террасу, сейчас болтал в голове Ратлиджа без умолку. Ратлидж не поехал в Лондон по шоссе. Он предпочел дорогу, идущую вдоль берега Хокинга, а по пути высматривал место, где сдавали напрокат моторные лодки. Но ему попадались одни деревушки, населенные в основном рыбаками и их семьями. Их кормила река. Он видел множество лодок, но в основном то были плоскодонки, гребные шлюпки и прочие мелкие суденышки. Ни одного моторного катера ему не попалось. Он начал спрашивать местных жителей, не сдают ли они напрокат катера, но те лишь качали головой.

Нанять здесь нечего.

Ратлидж готов уже был заключить, что мисс Фаррадей ему солгала, когда, свернув на узкую проселочную дорогу, вдруг увидел впереди саму Синтию. Она вышла на причал из узкой моторной лодки и весело заговорила с высоким мужчиной в белой рубашке и брюках.

Ратлидж сообразил, что перед ним частный причал, которым, скорее всего, пользуются местные яхтсмены. С полдюжины стоящих здесь изящных судов совсем не походили на грубые лодки, которые он видел до сих пор. Ратлидж притормозил и стал ждать.

Стало ясно, что мужчина хорошо знал мисс Фаррадей; они дружно смеялись, пока он помогал ей привязать катер. Затем он жестом указал ей на недавно построенный навес слева от причала. Ратлидж разглядел под навесом капоты двух автомашин, поблескивавшие в лучах вечернего солнца.

Решив, что мисс Фаррадей и ее спутник его не заметили, Ратлидж немного выждал и, как только Синтия и мужчина направились в сторону навеса, задним ходом выбрался на главную дорогу. По пути он соображал, как ему лучше поступить.

Едва ли можно подойти к тому человеку после того, как мисс Фаррадей уедет, и спросить, кто нанимал у него катер на весь день. Кем бы ни был тот тип, он при первой же возможности передаст мисс Фаррадей, что ею интересуется Скотленд-Ярд.

С другой стороны, если одна из машин принадлежит ей, можно незаметно поехать за ней и выяснить ее лондонский адрес.

Чуть поодаль, с той стороны, откуда он приехал, Ратлидж заметил полуразвалившийся амбар. Он решил, что амбар послужит ему хоть каким-то укрытием. Скорее всего, мисс Фаррадей не заметила его машину у ворот «Берега», потому что приплыла с другой стороны. Ратлидж почти не сомневался в том, что Синтия не ходила к воротам проверять, уехал он или нет. Поэтому она не сразу поймет, что он следит за ней, даже если придется ехать за ней много миль подряд.

Подъехав к амбару, Ратлидж распахнул одну створку двери и задом въехал внутрь. Потом вылез, прикрыл дверь, оставив небольшую щель, занял пост у двери и стал ждать.

В амбаре пахло сыростью, перепревшим навозом, сгнившим сеном, проеденными плесенью половицами и птичьим пометом. Чихнув от удушливой вони, он слушал, как голос Хэмиша эхом отдается от стропил. Испуганный голубь выпорхнул из амбара через дыру, зияющую в крыше.

Он прекрасно понимал, что имеет в виду Хэмиш. Тот твердил: зачем напрасно тратить драгоценное время на слежку за Синтией Фаррадей? Скотленд-Ярд отыщет ее быстрее. Но... отыщет ли? И если он сейчас ее потеряет, удобный случай вряд ли представится в будущем.

Прошло почти полчаса, прежде чем по дороге проехали две машины. В первой он мельком разглядел профиль Синтии Фаррадей – пряди темно-русых волос упали ей на лицо. А во второй он разглядел белую рубашку мужчины, с которым она беседовала на пристани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.